

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безвѣстными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: О произволѣ, гарантияхъ и неустойкахъ. — Замѣтки — Первый драматургъ-народникъ. *Вл. Лискало.* — Съ «верховъ» народнаго театра. (Окончаніе). *П. Казанцева.* — Хроника театра и искусства — Стихотвореніе. *А. А. Мюссаръ-Викентьева.* — Музыкальныя замѣтки *И. Кн-скаго.* — Московскія письма. *П. Ярцева.* — Театральныя замѣтки. *А. К-мл.* — Милочка. (Окончаніе). *Н. Лукмановой* — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

№ 42.

Рисунки и портреты: «Въ своей роли», *В. Н. Давыдовъ* въ роли Динина («Въ мутной водѣ»), *Монаховъ* въ роли Эселора («Виноватая») *А. А. Матова*, *Крушевскій*, *Музиль* въ 1870 г., «Флакманъ» въ театрѣ *Корша*, «Въ отвѣтъ», *Виньетки*
Приложеніе: «Библиотека», выпускъ 9 и 10. *А. де Мюссе* и *Рэтель* (окончаніе) *Н. Арбеннича.* — Любительская сцена (продолженіе) *Ю. Озаровскаго.*

ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА на 1901 годъ НА ЖУРНАЛЬ „Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

Съ 1 Юля по 1 Января 4 р. (годъ съ 1 Января 6 р. — подписчики получаютъ всѣ номера).

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній платится 25 к., городского на иногородній и обратно 60 к.

При заявленіяхъ о взносахъ и перемѣнахъ адресовъ просить обозначать № вандероли.

С.-Петербургъ, 14 октября 1901 г.

Предполагаемая Совѣтомъ Театральнаго Общества мѣра противъ нарушенія актерами контрактовъ—опубликованіе фамилій злостныхъ нарушителей—встрѣтила возраженіе на столбцахъ нѣкоторыхъ газетъ. Прибавимъ, что въ отчетѣ за 1899 г. московское Бюро предлагало эту мѣру съ своей стороны, но въ виду замѣчаній, сдѣланныхъ нѣкоторыми членами ревизіонной комиссіи, предложеніе это было исключено изъ корректурныхъ листовъ. Однако, дѣйствительность показываетъ, что можно кое-что исключить при желаніи изъ корректуры, но невозможно устранить практическую мѣру изъ жизни.

Дисциплинарная мѣра, о которой идетъ рѣчь, распадается на двѣ части: прекращеніе Бюро Театральнаго Общества всякихъ сдѣлокъ съ злостнымъ нарушителемъ контрактовъ, и во-вторыхъ, опубликованіе его имени. Если можно говорить о юридической неправомерности, то лишь въ примѣненіи ко второй части. Прекращеніе всякихъ сношеній съ

недобросовѣстнымъ клиентомъ есть не только право, но въ нѣкоторомъ смыслѣ обязанность всякаго уважающаго себя учрежденія. Было бы странно, если бы посредническое учрежденіе вновь рекомендовало актера, который не оправдалъ довѣрія. Клиенты могли бы сказать на это: намъ нѣтъ смысла обращаться въ Бюро, платить комиссіонный процентъ, разъ ни малѣйшихъ гарантій это Бюро не представляетъ, принимаетъ всякаго съ улицы въ число своихъ клиентовъ и торгуетъ, такъ сказать, завѣдомо недоброкачественнымъ товаромъ. Огражденіе себя отъ такихъ клиентовъ—Бюро должно предпринять въ своихъ собственныхъ интересахъ. Правда, могутъ замѣтить на это, что при такомъ ригоризмѣ сократятся операціи Бюро, и многіе обратятся въ другія агентства и конторы. Но такъ и должно быть. Мы, вообще, не понимаемъ отношенія Театральнаго Общества къ посредническимъ конторамъ, которая какъ будто рисуются конкурентами учрежденій Общества. Это—взглядъ ошибочный. Учрежденія Общества должны быть внѣ конкуренціи, и такъ какъ во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе, въ театральномъ, если много черной работы и сомнительныхъ операцій, то Обществу слѣдуетъ радоваться, если часть операцій отойдетъ, по достоинству, въ соответствующія учрежденія. Бюро Общества должно стоять на извѣстной высотѣ; сдѣлка, заключенная при его посредствѣ, должна быть свято выполнена, и печать Бюро слѣдуетъ разсматривать, какъ гарантію болѣе надежную и серьезную, нежели гражданскія неустойки.

Мы уже имѣли случай говорить о неустойкахъ, являющихся, съ извѣстной точки зрѣнія, главнымъ тормазомъ развитія честныхъ гражданско-правовыхъ отношеній между сценическими дѣятелями. До тѣхъ поръ, пока Бюро будетъ включать въ свои контракты неустойки,—установленіе злостнаго характера нарушенія контракта является почти невозможнымъ. Контрактъ нарушенъ, и такъ какъ «мораль-

ная цѣнность» нарушенія самимъ договоромъ опредѣлена въ извѣстной суммѣ денегъ, то, стало быть, съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны, вопросъ идетъ не о безчестномъ, противонаравственномъ дѣлѣ, а лишь объ уплатѣ эквивалента. Но, помилуйте, говорятъ антрепренеры,—да онъ (злостный нарушитель) никакъ не заплатитъ, да какъ съ него взыщешь, и пр. А это уже дѣло договаривающихся сторонъ. Если вы заключаете контрактъ на поставку дровъ, или сдаете по контракту квартиру, то должны заранее выяснить, существуетъ ли фактическая возможность взыскать неустойку, и какимъ имуществомъ обеспечивается выполнение контракта. Кто же обязанъ объ этомъ заботиться? Но если дрова не поставлены или за квартиру не заплачено, пострадавший контрагентъ не будетъ столь наивенъ и не станетъ прибѣгать къ защитѣ администраціи или къ утѣшеніямъ морали.

Неустойки, при настоящемъ строѣ театральнаго дѣла, — безсмыслица, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Гораздо болѣе просудишь денегъ, чѣмъ получишь, и большинство антрепренеровъ, ищущихъ неустойку, такъ и смотрятъ на дѣло, т. е. что взысканіе неустойки есть «наказаніе» актера, а не средство экономического возмѣщенія. Между тѣмъ, упразднивъ неустойку, Бюро могло бы прямо ставить вопросъ такимъ образомъ: договоръ сей подтверждается честнымъ словомъ контрагентовъ, за моимъ ручательствомъ; если же договоръ будетъ нарушенъ, то имена нарушителей будутъ записаны на черную доску, и Театральное Общество прерываетъ съ нарушителемъ всякія сношенія. Тогда никто не могъ бы въ возраженіяхъ своихъ указывать на юридическую неправильность проектируемой мѣры, потому что самая форма договорныхъ отношеній здѣсь не юридическая, а нравственная. Кто же, по какимъ-либо соображеніямъ, предпочитаетъ обезпеченіе при помощи неустойки, тотъ пусть ею и довольствуется, а Бюро, учрежденію не судебному, въ эти споры, иски и претензіи вмѣшиваться не зачѣмъ.

Въ практикѣ Совѣта Театральнаго Общества недавно было дѣло, вполне доказывающее, сколь безпомощно положеніе третьей стороны въ такихъ вопросахъ. Дѣло возникло по жалобѣ П. П. М.—ва на г-жу М.—ую, которая, будто-бы, «переманила» на службу актера Б. Б.—ича. Весьма возможно, что и переманила, а еще болѣе вѣроятно, что г. Б. Б.—ичъ не малый ребенокъ, чтобы его можно было склонить къ нарушенію договора путемъ ушачиваній и гипноза. И въ концѣ концовъ, чего же можетъ требовать Совѣтъ отъ г-жи М.—ой? Только уплаты неустойки изъ жалованья Б.—ича! А развѣ этимъ исчерпывается имущественный и нравственный вредъ, причиненный М.—ву? И развѣ платою нѣсколькихъ сотенъ рублей можно откупиться за «переманиванье», если предположить въ этой операциіи некрасивые пути, способы и приемы? Но, само собою понятно, что вся область возможныхъ злоупотребленій и соответствующаго за нихъ возмездія исчерпывается, при теперешней постановкѣ вопроса, настоятельными напоминаніями и требованіями неустойки.

Такимъ образомъ, мы проектируемъ ввести въ Бюро, при регистраціи договоровъ, двѣ категоріи сдѣлокъ: одну, обезпеченную честнымъ словомъ и влекущую за собою, въ случаѣ нарушенія договора, полный перерывъ сношеній съ виновной стороной и исключеніе изъ числа кліентовъ Театральнаго Общества, и вторую, обезпеченную неустойкой, относительно которой, по самому характеру гражданскихъ правоотношеній, можетъ быть компетен-

тень только судъ, къ которому и благоволятъ обращаться жалобщики. Это — ясно и просто, и мы надѣемся, что Театральное Общество оцѣнитъ всю справедливость нашихъ указаній.

Въ Варшавѣ учреждена коммисія для разсмотрѣнія нуждъ Императорскихъ польскихъ театровъ. Предсѣдателемъ этой коммисіи назначенъ помощникъ главнокомандующаго варшавскимъ военнымъ округомъ, генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Пузыревскій, извѣстный военный историкъ и одинъ изъ наиболѣе выдающихся и авторитетныхъ знатоковъ русско-польскихъ отношеній, а членами коммисіи, какъ сообщаютъ польскія газеты, назначены, въ числѣ другихъ лицъ, всѣ выдающіеся польскіе драматурги и театральные критики.

Въ этомъ сообщеніи наиболѣе характерно то, что къ трудамъ коммисіи привлечены польскіе драматурги и театральные критики, — вниманіе, котораго рѣдко удостоивались русскіе драматурги и почти никогда — театральные критики. Сколько ни было коммисій, всѣ онѣ обходились «своими средствами», т. е. чиновниками дирекціи, плюсъ представители вѣдомствъ. Напримѣръ, проектъ реформы г. Погожева, находящагося нынѣ въ отставкѣ, не только выработывался въ нѣдрахъ канцеляріи, но и былъ окруженъ канцелярской тайной.

Въ повѣдѣльникѣ, 22-го октября сего года, въ 1 часъ дня, въ фойе Александринскаго театра состоится общее собраніе членовъ Театральнаго Общества.

- Программа занятій: 1) Отчетъ Общества за 1900 годъ.
 2) Докладъ Совѣта объ устройствѣ и распорядкѣ дѣятельности Канцеляріи Совѣта и Бюро Общества.
 3) Заключение Ревизіонной Коммисіи.
 4) Предложеніе Ревизіонной Коммисіи объ измѣненіи на будущее время, для ревизіи Бюро Общества въ Москвѣ, порядка выбора въ Члены Ревизіонной Коммисіи, а именно: о выборѣ 3-хъ Членовъ Коммисіи и 3-хъ Кандидатовъ къ нимъ изъ числа Членовъ Общества, проживающихъ въ С.-Петербургѣ, и 2-хъ Членовъ Коммисіи и 2-хъ Кандидатовъ къ нимъ изъ числа Членовъ Общества, имѣющихъ постоянное жительство въ Москвѣ.
 5) Предложеніе Совѣта объ ежегодномъ отчисленіи изъ текущихъ средствъ Общества въ текущія средства Убѣжища по 240 рублей на содержаніе пенсионеровъ каждой изъ учрежденныхъ Обществомъ въ Убѣжищѣ 6 именныхъ стипендій: М. С. Щепкина, А. Е. Мартынова, И. И. Сосницкаго, Ю. Н. Линской, графа И. И. Воронцова-Дашкова и Н. М. Медвѣдовой.
 6) Предложеніе Совѣта объ учрежденіи въ Убѣжищѣ Общества стипендіи имени «Перваго Русскаго сценическаго дѣятеля Ѳедора Григорьевича Волкова» и объ отчисленіи въ фондъ на образованіе этой стипендіи суммы (1.142 р. 79 к.), ассигнованной (изъ капитала на поддержаніе могилъ сценическихъ дѣятелей), постановленіемъ Общаго Собранія 6-го декабря 1899 года, на чествованіе памяти Ѳ. Г. Волкова (по поводу 150-лѣтія основанія въ г. Ярославль русскаго театра.
 7) Избраніе 1 Члена Совѣта и 4-хъ Кандидатовъ въ Члены Совѣта, взаимѣнъ выбывающихъ согласно § 23 Устава.
 8) Избраніе 5 Членовъ Ревизіонной Коммисіи и 5 Кандидатовъ къ нимъ.
 9) Предложеніе Совѣта относительно избранія въ Почетные Члены.

10), 11), 12), 13) и 14) Предложенія Совѣта относительно разнаго рода стипендій.

15) Предложеніе Совѣта о мѣрахъ, необходимыхъ для урегулированія посреднической дѣятельности Бюро Общества по спросу и предложенію на артистическій трудъ.

16) Прошеніе П. Е. Нѣмчиновой, сестры А. Е. Мартынова, не принадлежащей къ сценическимъ дѣтелямъ, объ опредѣленіи ея пенсионеркой въ Убѣжище Общества.

Въ случаѣ неприбытія опредѣленнаго § 37 устава числа членовъ Общества, общее собраніе назначается на субботу, 27-го октября с. г., въ 1 ч. дня, и будетъ считаться состоявшимся, независимо отъ числа прибывшихъ на собраніе членовъ Общества.

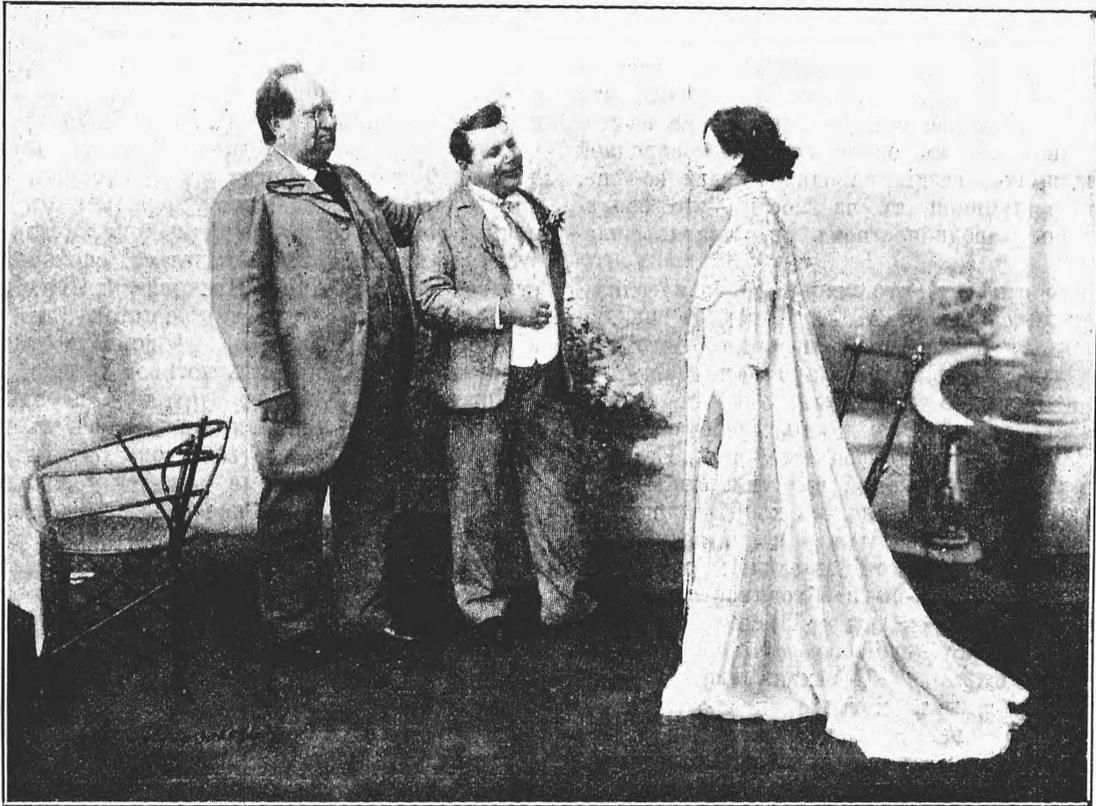
Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати разрѣшено назначить подписную цѣну на „Театръ и Искусство“ 7 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой вмѣсто 6 р. Объ условіяхъ подписки и рассрочки будетъ объявлено въ свое время.

Первый драматургъ-народникъ.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ выступилъ на литературномъ поприщѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Это было время, когда лучшіе люди земли русской, поддаваясь духу времени, хоромъ вторили: „нынѣ отпускаеши раба твоего“. Правда, до официального объявленія о ре-

крестьянъ, какъ тогда думали, отъ „тираніи“ и произвола помѣщиковъ. Всякій „дурной“ отзывъ былъ бы оскорбленіемъ для сословія, значительная часть котораго была обречена на большія, матеріальныя и нравственныя, жертвы. Писателямъ того времени поэтому все время приходилось думать, писать и даже чувствовать „двусторонне“. Въ раннихъ произведеніяхъ Тургенева, Григоровича и др. современныхъ писателей, авторы старательно избѣ-

— *Ш* Театръ Литературно-Художественнаго Общества. *Ш* —

«Въ своей роли», 2 актъ.

Г. Михайловъ (Мухинъ-Симферопольскій). Г. Яковлевъ (Черепакинъ). Мотылекъ (А. П. Домашева).

формъ оставалось еще нѣсколько лѣтъ, но фактически реформу къ этому времени можно было считать уже осуществившейся. Была признана необходимость ея, а это уже полдѣла.

Предреформенная работа кипѣла не только въ административныхъ сферахъ, но и въ наиболѣе культурныхъ слояхъ общества, непрічастныхъ къ этимъ сферамъ. Подъемъ былъ общій. Создавались и зачастую тотчасъ же разрушались новыя теоріи, новыя слова, новыя основы жизни... „Народъ“ и „народность“ не сходили съ языка. „Полубубкомъ провоняли“, какъ выразился нѣсколько лѣтъ спустя директоръ московскихъ Императорскихъ театровъ, — и гостинныя, и дамскіе будуары, а главнымъ образомъ, вся русская журналистика и литература.

Впрочемъ, послѣдней приходилось говорить о народѣ съ большою оглядкой. Несмотря на то, что освободительное движеніе шло сверху внизъ, цензура въ вопросахъ этого рода была необыкновенно строга. Страсти были черезчуръ напряжены, и каждую минуту могла разразиться „буря“. Говорить, напр., о помѣщикахъ въ то время было немислимо. Хорошо отозваться о нихъ нельзя было потому, что это противорѣчило духу времени: вѣдь и освобождали-то

гали касаться отношеній между крестьянами и помѣщиками, и точно также не касались общественной жизни народа, которая до того времени складывалась согласно взглядамъ и „хотѣнью“ этихъ помѣщиковъ.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, и Толстой, и Тургеневъ, и Григоровичъ и нѣкоторые другіе писатели, начавшіе свою дѣятельность въ сороковыхъ годахъ, воспитаны были на помѣщичьихъ традиціяхъ. Помѣщики же, особенно богатые, знали жизнь своихъ крестьянъ преимущественно съ „казовой стороны“. Всѣ раннія произведенія названныхъ писателей несутъ слѣды поверхностнаго знакомства съ этимъ бытомъ. Отражая на себѣ переживаемый моментъ историческаго процесса, они вторили настроенію общества, и сообщали своимъ произведеніямъ полу-романтической характеръ, а самые типы изъ народа, преимущественно положительные и способные расположить къ себѣ общество, отличались нѣкоторой надуманностью. Наиболѣе же зрѣлыя произведенія ихъ изъ народной жизни написаны были значительно позднѣе, уже послѣ реформы, когда „порвалась цѣпь великая“, а жизнь и бытъ народа подверглись самостоятельному свободному наблюденію.

А. А. Потѣхинъ—я пока не касаюсь вопроса о размѣрахъ его художественнаго дарованія—съ первыхъ же шаговъ примкнулъ именно къ этой категоріи писателей. Правда, онъ стоялъ ближе къ народу, и въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній—„Забавы и удовольствія въ городѣ“—выказалъ нѣкоторую рѣзкость характеристикъ, яркій, мѣстами даже злой, юморъ, а главное—объективность изложенія и языка. Но какъ человѣкъ чуткій къ вопросамъ и требованіямъ современности, А. А. Потѣхинъ въ первыхъ же произведеніяхъ изъ крестьянской жизни ярко отразилъ все то, что такъ любимо было, если можно выразиться, народнически-романтическимъ тенденціямъ общества. Это общество въ известной своей части глубоко вѣрило въ святость народной жизни. Народничество, въ сущности, отделилось отъ славянофильства, слѣпо вѣрившаго, что истинные идеалы жизни слѣдуетъ искать не на сторонѣ, а у насъ же, въ основахъ нашей народной жизни. Общая идеализація народной жизни вообще, а русскаго крестьянина въ частности,—это наслѣдіе, полученное народничествомъ отъ славянофильства.

Необходимо отмѣтить, что склонность къ идеализаціи и преувеличеніямъ у А. А. Потѣхина не напускная, какъ у большинства писателей того времени, а въ известномъ смыслѣ прирожденная. А. А. Потѣхинъ непремѣнно хочетъ быть и дѣйствительно всегда бываетъ добръ. Онъ добръ, необыкновенно добръ и по отношенію къ своимъ героямъ. Его Михайло („Чужое добро“), напр., въ сущности негодяй первой руки, но у Потѣхина, въ концѣ концовъ, и онъ оказывается преотличнымъ и пресимпатичнымъ человѣкомъ. Даже мерзости, продѣлываемыя имъ, вызывались у него какъ-бы необходимостью. Николай Спиридонычъ („Судъ людской“) собственно форменный тираннъ, загубившій свою дочь исключительно по самодурству, но у Потѣхина онъ все-таки обрисованъ въ самыхъ мягкихъ краскахъ. Анна Ивановна („Шуба овечья“) ничего такого не сдѣлала, чтобы выдѣлать ее изъ среды дюжинныхъ натуръ, но авторъ возноситъ ее и считаетъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Доброта, мягкость, уступчивость—украшенія его характера. Онъ яркой чертой проходятъ сквозь его произведенія, въ которыхъ при всемъ желаніи не сыщешь ни одной злобной нотки, ни одной холодной рѣзкости. Кстати, въ воспоминаніяхъ А. А. Потѣхина, напечатанныхъ въ прошломъ № нашего журнала, имѣется одна любопытная подробность: А. А. находился подъ нѣкоторымъ влияніемъ Писемскаго и даже слегка „побаивался“ его. Это очень характерное указаніе. Вспомните произведенія Писемскаго: сколько въ нихъ властнаго, твердаго, рѣшительнаго! Эти особенности заключены были въ самомъ характерѣ Писемскаго, и неудивительно, что Потѣхинъ нѣсколько побаивался его.

Чувствительность и гуманизмъ А. А. Потѣхина способствовали его популярности. Создали-же эту популярность совѣмъ другія обстоятельства.

Прежде всего Потѣхинъ выступилъ во всеоружіи знанія народной жизни, чего нельзя сказать про другихъ, современныхъ ему, писателей. Отличный знатокъ внѣшнихъ подробностей народной жизни, онъ безукоризненно владѣлъ народнымъ говоромъ. По выраженію Ап. Григорьева, онъ выказывалъ „не то что простое знакомство съ изображаемымъ имъ бытомъ, а непосредственное сліяніе съ нимъ“. И дѣйствительно: образный, мѣстами положительно вѣрывающійся въ память, языкъ Потѣхина до сихъ поръ поражаетъ мѣткостью и силой. Говоръ дѣйствующихъ лицъ его произведеній, это тотъ нату-

ральный, только чуть-чуть „расцвѣтанный“, говоръ, который знакомъ каждому, кто хоть немного живалъ въ среднихъ губерніяхъ.

„Народническія“ увлеченія Потѣхина были искренни. Онъ вѣрилъ во все догматы народнической программы. Если общинныхъ основъ народной жизни Потѣхинъ касался сравнительно рѣдко,—вѣроятно, благодаря цензурному гнету, то зато тяготѣніе къ семейному началу,—тяготѣніе, столь любезное, кстати сказать, сердцу славянофиловъ, въ качествѣ нравственнаго противовѣса отрицанію сороковыхъ годовъ,—проходитъ яркой полосой черезъ все его произведенія. Если его герои терпятъ неудачи, то лишь потому, что пытаются такъ или иначе вырваться изъ-подъ вліянія семьи. Магрена въ драмѣ „Судъ людской“—не Божій—сдѣлала и себя и другихъ несчастными лишь потому, что не слѣдовала совѣтамъ отца-самодура. Михайло („Чужое добро“) сталъ погодьемъ отчасти благодаря тому, что вышелъ изъ отцовской власти. Когда же Михайло и его жена покорились отцу, покаленились передъ нимъ, то сразу почувствовали себя иными людьми, и для нихъ съ этого момента должна начаться спокойная и счастливая жизнь. Анна Ивановна („Шуба овечья“), наоборотъ, нашла свое счастье потому, что, несмотря на полученное воспитаніе, не порвала отношеній съ крестьянской семьей, изъ которой вышла.

Лишнее преимущество Потѣхина передъ другими писателями того времени заключалось въ томъ, что для пропаганды своихъ взглядовъ онъ избралъ сцену. Театръ въ то время являлся далеко не одной забавой, а своего рода кафедрой, съ которой общество хотѣло слышать отвѣты на вопросы, задаваемые текущей жизнью. Потѣхинъ былъ первымъ драматургомъ, который бралъ сюжеты изъ крестьянской жизни. Ужъ одно это, помимо многочисленныхъ достоинствъ произведенія, обезпечило тотъ громадный, головокружительный успѣхъ, который имѣло его первое произведеніе—„Судъ людской“. Правда, когда была поставлена эта пьеса, Островскій, котораго сначала народники тоже было причислили къ своему лагерю, успѣлъ уже написать и поставить нѣсколько пьесъ. Но Островскій въ первыхъ своихъ произведеніяхъ изображалъ не столько народную стихію въ томъ непосредственномъ видѣ, какъ она живетъ въ народныхъ массахъ, сколько мелкую, буржуазную среду. Народные идеалы онъ искалъ не въ крестьянскомъ быту; онъ воспроизводилъ народную жизнь въ той ея стадіи, когда она до известной степени соприкасается съ жизнью образованныхъ классовъ. Потѣхинъ, наоборотъ, описывалъ народную жизнь въ ея, такъ сказать, „первобытномъ видѣ“. Немудрено, что „Судъ людской“ былъ встрѣченъ публикой, пожалуй, съ большимъ восторгомъ, чѣмъ произведенія Островскаго, изъ которыхъ нѣкоторые прошли почти незамѣченными.

Вторая драма Потѣхина—„Хоть шуба овечья“, написанная одновременно съ первой, но поставленная только черезъ одиннадцать лѣтъ, все еще отвѣчала общественнымъ настроеніямъ. Однако слышались уже жалобы на нѣкоторую устарѣлость пьесы. Позднѣе, когда появлялись остальные пьесы, большинство которыхъ также запаздывало постановкой, эти жалобы все учащались.

Что устарѣло въ народныхъ пьесахъ А. А. Потѣхина—это не его талантъ, не его языкъ, не его формы, а сентиментальная, народническая доктрина. Въ области народной драмы А. А. Потѣхинъ сыгралъ историческую роль, которая не забудется. Намъ думается, что роль народничества, вообще, уже кончена, и не только того туманнаго народничества, котораго теоретикомъ былъ покойный Каблицъ (Юзовъ),

но и болѣ трезвой и серьезной его части. Видъ народа—бѣднаго, мѣняющаго землю на фабрику и отхожіе промыслы, мало способенъ поддерживать иллюзіи народничества. Отсюда и равнодушіе публики, общества къ художественнымъ произведеніямъ изъ народной жизни. Въ модѣ теперь—пролетарій города, продуктъ экономического процесса, отодвинувшаго деревню на задній планъ.

Вл. Линскій.

Съ „верховъ“ народнаго театра.

(Окончаніе *).

Сопоставляя эти отзывы съ отзывами крестьянъ по отчету хотя бы того же г. Юрьева, видишь коренное разнотеліе. Тамъ полное пониманіе, тутъ почти полное отсутствіе его; тамъ живой интересъ, здѣсь холодное равнодушіе. Дѣло въ томъ, что случайные наши гости видятъ сцену первый разъ. Вниманіе ихъ не можетъ остановиться въ должной степени на самой пьесѣ. Ихъ все пока интересуетъ: и помѣщеніе, и публика, и амплоименты, и декорация, и костюмы, и разговоры, обниманіе, цѣлованіе на сценѣ, музыка и много другихъ неувидимыхъ для насъ впечатлѣній развлекаютъ вниманіе нашихъ гостей. Къ тому же и разпросы мои все же должны показаться подозрительными и на нихъ могутъ не отвѣчать изъ-за одного недоверія къ незнакомому человѣку. Крестьянинъ, правда, многое не можетъ сразу усвоить, но это общее психологическое

Къ юбилею А. А. Потѣхина.

В. Н. Давыдовъ, въ роли Динина.
(Въ «Мутной водѣ»).

приложимо одинаково какъ для интеллигента, такъ и для крестьянина; нужно сначала привыкнуть къ довольно сложной внѣшней сторонѣ представленій, прежде чѣмъ разбираться въ самой пьесѣ. Кто мало знакомъ съ музыкой, того въ оперѣ прежде всего занимаютъ слова, музыку онъ почти не слушаетъ; точно также и крестьянинъ видитъ въ спектаклѣ прежде всего внѣшнюю сторону. Чтобы рассмотреть что-нибудь, надо оглядѣться. Дайте крестьянину возможность побывать два-три раза, и онъ прекрасно усвоитъ самую технику представленія, которая уже не будетъ мѣшать ему слушать самую пьесу.

Рабочій недалеко ушелъ въ развитіи отъ крестьянина, но мы видимъ, какъ онъ охотно посѣщаетъ театръ и какъ онъ отлично все воспринимаетъ. Если мы не сомнѣваемся въ пониманіи рабочаго, то не слѣдуетъ сомнѣваться въ пониманіи и крестьянина.

Одно жаль, что рѣдко мы встрѣчаемъ крестьянъ въ народномъ театрѣ. Народный театръ почти безъ народа. Нельзя назвать театръ народнымъ только за то, что на галеркѣ и балконѣ встрѣчаемъ мы десятка два рабочихъ. Народный театръ въ Саратовѣ менѣе всего народный. Онъ слишкомъ еще дорогъ для нашего народа. Первая задача народнаго театра — свести расходъ до

минимума, чтобы имѣть мѣста по гривеннику не па вышкахъ, а въ партерѣ. Какой же это народный театръ, когда по 12000 руб. при 900 мѣстѣ тратится на одну труппу, когда на покрытие всѣхъ расходовъ необходимо выручать каждый спектакль болѣе 200 руб. Поневоля придется держаться своеобразной логики: „театръ долженъ воспитывать посредниковъ между интеллигенціей и народомъ“, какъ сказалъ мнѣ одинъ изъ членовъ народнаго театра. Другіе члены говорятъ: „виноваты-ли мы, что къ намъ народъ не ходитъ, не тащить же ихъ за шиворотъ“. Мнѣ кажется, что тащить народъ въ театръ не придется, если народники ближе подойдутъ къ народу.

А народа, самаго настоящаго, въ Саратовѣ много. Есть для кого поработать. Бывали-ли вы на Московской площади во время пасхальной недѣли? Пойдите, полюбуйтесь. Весело сияетъ красное солнышко. Сухо. Тепло. Московская площадь переполнена. Тысячи народа... Говорятъ, смѣхъ, пискъ гармоники, звуки трубъ и барабановъ слились въ нестройный гулъ. Волна народа подхватила и васъ; вы потонули въ этой громадной толпѣ. „Пятаковый за копѣйку!“ „Яблуге, яблуге!“ „Самыя лучшія, самыя лучшія!“ поминутно раздаются въ вашихъ ушахъ. Кругомъ жуютъ, грызутъ, нюютъ, толкаются, хочутъ. „А-а-а-й!“ раздается по площади рѣзкій голосъ съ балагана. „Вали, ребята, сюда, сюда!“ машетъ дурацкимъ колпакомъ клоунъ. Вы стиснуты; вамъ не выбраться теперь. Народъ напираетъ. Тѣсно. Душно. Пыльно. Жарко...

„А у нашей у Варвары...“ бац! — и вслѣдъ за пощечиной „хозяину“ несется могучей волною народный восторгъ: „ха-ха-ха!.. Ахъ, чтобъ тебя разорвало! Ахъ, чтобъ тебя намочило!.. Ну, и ловко захватилъ, мошенникъ! Ха-ха-ха!.. шумитъ надъ вами море восклицаній. Между тѣмъ народный любимецъ съ высоты своей трибуны „считаетъ“ для хозяина и для удовольствія публики рогатыхъ, гололобыхъ... Кончилось. Народъ отхлынулъ. Вмѣстѣ съ толпою понеслись вы въ глубь площади. Вдругъ зазвонилъ колокольчикъ, и новая волна увлекла васъ къ другому балагану, гдѣ „укротительница“ обвивала вокругъ себя громаднаго змѣя. Часъ и два носите вы въ волнахъ народа. Побывали вы и у вертящихся качелей, гдѣ пьяный сапожникъ, свѣсивъ ноги черезъ барьеръ, неистовствуетъ на гармоникѣ, стояли и у каруселей и умилялись зрѣлищемъ, какъ пачаши и мамыши катались на коняхъ и лодкахъ вмѣстѣ съ своими грудными дѣтьми, слѣдили за взвивающимся въ небесную высь пузырьремъ. Начинаете скучать, и чтобы пораазвлечься, пробираетесь къ балагану послушать еще разъ балаганную рифму: труби-руби, играй-рыгай, прыжокъ-изъ пыли пирожки, ногами-рогами и т. д. Прислушиваетесь къ разговору. Стоитъ рядомъ съ вами кухарка. „Что тутъ интереснаго?“ говоритъ она: „все, что нарисовано, не покажутъ“. — „Будешь всѣ пять дней ходить, — тогда все покажутъ, а въ день, извѣстное дѣло, не покажутъ“, говоритъ ей какая-то широкая борода. „Вотъ, у Сивирѣ (народный театръ) тоже представляютъ“, продолжаетъ кухарка. — „Гдѣ же лучше: тамъ или здѣсь? — спрашиваю я. — „У Сивирѣ лучше“. — Чѣмъ? „Вотъ какую-то тамъ могилу представляли... хорошо“. — „Можетъ быть „Злую яму?“ — „Да, какъ-будто такъ называется“. — „Какая же это исторія? — „Вотъ припомнить не могу, а только хорошо...“ Стоитъ деревенскій мужикъ съ бабой. „Иди“, говоритъ мужикъ, толкая бабу и показывая на балаганъ. — „Ну тя!“ — „Иди, чортъ!.. Пятачекъ жалко. У-у, вѣдьма! Проѣшь вѣдь!.. Въ деревнѣ, что-ли, это уви-

Къ юбилею А. А. Потѣхина.

Монаховъ въ роли Оедора.
(«Виноватая»).

*) См. № 41.

дишь?..“ Стоять два мужика въ зипунахъ, съ сумками за плечами; съ ними подростокъ лѣтъ 15-ти. Очевидно, крестьяне пришли на заработокъ. Долго смотрѣли мужики молча. Вдругъ одинъ изъ нихъ заволновался, вытаскилъ изъ-за пазухи холщевую мошну, запустилъ туда руку... Гляжу, — вытаскиваетъ и растрясаетъ на ладони нѣсколько мѣдяковъ, разматриваетъ. Другой мужикъ съ подслѣповатыми и слезящимися глазами и подростокъ замѣтили это и уткнулись тоже разматривать мѣдяки сосѣда. Ладонь съ мѣдяками опустилась въ мошну, и крестьяне вновь устали на балаганъ. Мнѣ казалось, что мошной трясутъ не даромъ. Сталь ждать, что будетъ дальше. „Идемъ!“ говоритъ подслѣповатый другому старику, кивая на балаганъ: у меня три копейки, у тебя гривенникъ...“ — „Не пустятъ; насъ трое; по пятачку надо!“ замѣчаетъ другой. Вновь вынимаются мошны и молча разматриваются мѣдяки. „Идемъ!“ рѣшительно заявилъ подслѣповатый и чуть не за шиворотъ потащилъ товарищевъ въ балаганъ...

Измученные, грязные, потные добираетесь вы до конки. А вдоль Московской улицы тянется непрерывной широкой лентой густая толпа народа, увлекаемая какой-то силой на площадь къ шумящему стаду людей. Со страхомъ оглядываетесь вы назадъ, видите колышущееся море головъ; въ ушахъ вашихъ звенитъ: „Кому жизнь не дорога, — въ балаганъ, господа!“. „Кто желаетъ, кто желаетъ!.. Пятаковый за копейку!“ И встревоженное изображение рисуется, какъ подъ обаяніемъ этого отвратительнаго крика сыпятся гроши бѣдняковъ, какъ изъ этихъ крохъ нагромождаются тысячи рублей, которые поглощаются широкой пастью народныхъ акулъ. Хочется назадъ, къ народу, хочется крикнуть во все легкія: берегись, родной!..

Вотъ, господа, куда должна быть направлена наша дѣятельность, если мы серьезно желаемъ дать здоровыя и разумныя развлечения *народу*...

П. Казанцевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Дирекція театра Литературно-Художественнаго общества сообщаетъ имена авторовъ нѣкоторыхъ пьесъ, изъ числа присланныхъ на конкурсъ и признанныхъ заслуживающими постановки. Драма въ 4 д., „Долгъ“, девизъ „Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable“, написана сотрудникомъ нашего журнала О. И. Дымовымъ, др. въ 4 д., „Волки“—П. М. Загуляевымъ, „Бабушкины деньги“—В. А. Рышковымъ, драма въ 4 дѣйств., „Недосказанное“, девизъ „Всѣ подъ Богомъ ходимъ“—гр. Л. Л. Толстымъ, и сцены изъ жизни столичнаго мурья „Бѣлка“, девизъ „Operibus credite, non verbis“—В. Щигровымъ, пьеса въ 4 дѣйств., „Душа поэта“, девизъ „Не унывай“—Н. Ю. Жуковской, и пьеса въ 4 дѣйствіяхъ „Новъ“, девизъ „Простота лучшая красота“—А. П. Роговцевымъ.

* * *

Къ намъ поступаютъ запросы, откуда можно получить пьесы, представленныя на конкурсъ, но неудостояныя премій. За получениемъ ихъ слѣдуетъ обращаться въ дирекцію театра Литературно-Художественнаго Общества (Панаевскій театръ).

* * *

Въ Александринскомъ театрѣ шла на-дняхъ въ первый разъ одноактная комедія В. А. Тихонова „Великая тайна“, очень забавная и жизненная, несмотря на нѣкоторую рискованность сюжета. Комедія изображаетъ трагикомическое положение мужа, у котораго жена рожасть. По повѣрью, объ этомъ никто не долженъ знать для того, чтобы не отягощать страданій родильницы. Отсюда—qui pro quo, въ которыхъ, собственно, нѣтъ нужды, ибо трагикомизмъ положенія не нуждается въ водевильныхъ ухищреніяхъ: онъ слышкомъ яркъ, самъ по себѣ, и такой талантливый авторъ, какъ В. А. Тихоновъ, могъ-бы обойтись и безъ нихъ. Превосходно написана акушерка—типъ довольно знакомый. Кстати, и сыграла ее г-жа Морева весьма недурно. Пьеска г. Тихонова, несомнѣнно, слѣдуетъ считать репертуарной.

* * *

Несмотря на то, что до конца года осталось около 3½ мѣс., Бюро Русскаго Театральнаго Общества успѣло заключить 1700 ангажементовъ.

* * *

Новинки сезона.

— Артистъ московскаго Малаго театра Рыжовъ написалъ комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Въ нашъ нервный вѣкъ“.

— П. Д. Боборыкинъ окончилъ новую свою пьесу „Не-благополучно“, изъ міра финансовыхъ дѣятелей.

— Г-жа Шапиръ написала комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ „Добыча“.

— І. Радзивиловичъ написалъ одноактную шутку „Первое объясненіе“.

— Одной изъ слѣдующихъ новинокъ на сценѣ «Новаго театра» будетъ новое произведеніе кн. В. В. Барятинскаго—„Перекаты“, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

— Передѣлка П. О. Арбенина «Петербургскія трушобы» разрѣшена цензурою для столичныхъ сценъ. Въ первый разъ пьеса идетъ въ бенефисъ г. Сѣверскаго

* * *

М. И. Писаревъ.

(Съ послѣдней фотографіи, снятой въ Швейцаріи).

Въ пользу М. И. Писарева въ Александринскомъ театрѣ 13 октября дается комедія „Золото“. Здоровье М. И. Писарева сильно пошатнулось, и болѣзнь (грудная жаба) требуетъ долговременнаго отдыха. Помѣщаемый въ настоящемъ номерѣ портретъ М. И. Писарева снятъ однимъ любителемъ-театраломъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Швейцаріи.

* * *

† М. Балуцкій. 4-го октября, въ Краковѣ лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера извѣстный польскій писатель Михаилъ Балуцкій. Онъ умеръ на 65-мъ году жизни (родился въ Варшавѣ въ 1837 г.). Въ предсмертной запискѣ, оставленной на имя жены, покойный ссылается на „предопредѣленіе свыше“. За нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы родные и близкіе покойнаго стали замѣчать въ немъ большую переменъ: всегда спокойный, веселый, остроумный, онъ вдругъ сталъ задумчивъ, холоденъ, мраченъ. Его начала преслѣдовать мысль, что дальнѣйшее его существованіе безцѣльно. Меланхолія привела его къ роковому концу.

Балуцкаго знала не только польская публика, но и русская. Свою литературную дѣятельность онъ началъ очень рано, въ 1857 году, будучи еще ученикомъ 8-го класса гимназіи. Онъ писалъ повѣсти, романы, новеллы, стихи, но извѣстностью онъ обязанъ своимъ комедіямъ. Многія изъ нихъ переведены на русскій языкъ и идутъ до сихъ поръ съ неизмѣннымъ успѣхомъ на русскихъ сценахъ. Назовемъ „Денежныя тузы“ (Grube guby), по-

ставленные когда-то на Императорской сценѣ, „Флиртъ“ (Игра въ любовь), „Клубъ холостяковъ“, „Охота на мужей“ и мн. др.

* * *

— 7-го октября исполнился 50-тая годовщина смерти «знаменитѣйшаго», какъ значитъ на могильномъ крестѣ, украинскаго актера Соленика. Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, «украинскій Мартыновъ», умеръ отъ чахотки 7-го октября 1851 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Игралъ онъ на сценѣ роли Маргынова, игралъ со Щепкинѣмъ въ Высочайшемъ присутствіи, его приглашали на петербургскую сцену, но онъ ни гдѣ, кромѣ Харькова, не хотѣлъ играть. Въ Харьковѣ онъ и умеръ. На могильномъ крестѣ на одной сторонѣ имя того, кто подъ нимъ покоится, а на другой—слѣдующіе записанные нами стихи:

Дивися зъ неба Солениче
Якъ криво сердце чоловіче:
Якъ ти колиси на світі живъ
Та щиро публиці служивъ,
Такъ публика тобі живому
Квітки кидала, якъ солону;
А вмеръ, артисте—небораче,
То и байдужі!—нихто не баче,
Що прахъ лежить твій безъ хреста...
Пора, бачь, гулькнула не та.
Теперь вже стала Україна
Холодна буцимъ домовіна.

* * *

Намъ пишутъ изъ Нарвы. Въ воскресенье, 7 октября, въ городскомъ театрѣ, который вотъ уже второй годъ занятъ драматической труппой подъ управленіемъ Е. Л. Дашковой, открылся сезонъ. Для перваго спектакля была поставлена комедія Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ» и фарсъ Северина «Супружеское счастье». Публика, наполнившая театръ, радушно встрѣтила исполнителей, изъ которыхъ, кромѣ г-жи Дашковой, имѣли успѣхъ г-жа Топорская (Евгенія) и Кручининъ (Миловидовъ).

* * *

Намъ присланъ отчетъ по веденію дѣла народныхъ гуляній при фабрикахъ гг. Морозовыхъ, при станціи Орѣхово-Зуево. Приходъ кассы театра 5,850 р. 09 к. Получено отъ комиссіи народныхъ гуляній за утренніе спектакли для рабочихъ 1,199 р. Итого приходу 7,049,09 к. Спектаклей было 39 обыкновенныхъ, удешевленныхъ утреннихъ 3, репертуаръ смѣшанный. Сезонъ съ 29 апрѣля по 2 сентября. Расходъ былъ слѣдующій: жалованье труппѣ: 3,809,88 к.; жалованье рабочимъ по сценѣ и ламповщикамъ 365 р., парикмахеру 140 р., разова плата гастролер. 113 р., уплачено благотворительныхъ 259 р. 45 к., авторскихъ 136 р. 50 к., типографіи 450 руб., марки 481 р. 47 к., дивертисм. на открытой сценѣ 247 руб. 75 к. Разныхъ накладныхъ расходовъ: освѣщеніе, реkvизитъ, контроль, статистика и проч. 1,281 р. 09 к. Итого расходъ 7,284 р. 14 к. Черерасходъ 235 р. 05 к. Театръ далъ болѣе прошлыхъ годовъ на 1,400—1500 р.

* * *

8 октября въ театрѣ Литер.-Художественнаго Общества состоялся юбилейный спектакль въ честь А. А. Потѣхина. Возобновлена была комедія юбиляра «Отрѣзанный ломоть».

Автора вызывали много разъ въ театрѣ. Послѣ втораго дѣйствія его чествовали на открытой сценѣ, гдѣ присутствовали артисты, артистки и литераторы, члены Литературно-Художественнаго Общества. Когда онъ вышелъ, его встрѣтили предельно дружественными рукоплесканіями. Адресъ отъ общества, покрытый многочисленными подписями, гласилъ слѣдующее:

«Алексѣй Антиповичъ!

«Вы первый русскій драматургъ, дожившій до пятидесятилѣтія своей литературной дѣятельности. Но дѣло не въ лѣтахъ. Дѣло въ томъ, что и черезъ 50 лѣтъ публика смотритъ ваши произведенія на сценѣ съ такимъ же удовольствіемъ и поученіемъ, какъ въ тѣ живые годы, когда они впервые появлялись передъ нею. Говорятъ, отживаютъ старыя драматическія формы; говорятъ, что публика жаждетъ чего-то новаго, какихъ-то новыхъ настроеній. Весьма возможно. Спорить не станемъ. Драматическое искусство должно идти впередъ, но есть нѣчто неизмѣняемое, необходимое при всякомъ прогрессѣ литературы и искусства. Это талантъ и присущая таланту живая мысль. Талантъ и живая мысль освѣщаютъ настоящимъ яркимъ свѣтомъ данные характеры и явленія дѣятельности, закрѣпляя ихъ въ исторіи литературы, и говорятъ чуткому уму и сердцу зрителей. Вотъ что въ васъ дорого, вотъ причина, почему ваши произведенія живутъ и будутъ жить еще долго. Въ нихъ существуетъ вѣчное желаніе правды и справедливости, любовь къ прекрасному и благородному, а эти качества писателя всегда завоевываютъ симпатіи зрителей и ихъ благодарныя рукоплесканія. Говоря это, думаемъ, что мы говоримъ устами

русскаго общества, всегда очень чуткаго и очень благодарнаго писателю-художнику, который умѣлъ служить ему и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ звать его впередъ, къ добру и правдѣ. Въ его благодарныхъ симпатіяхъ вы находили и находите теперь утѣшеніе за вашъ долгій и тяжелый художественный трудъ и за мужество честно исполненнаго писательскаго долга.

«Да здравствуетъ русская драматическая литература и да здравствуетъ Потѣхинъ!»

Рукоплесканія, крики «браво», вновь привѣтствовали драматурга съ горячимъ одушевленіемъ. К. К. Случевскій вручилъ ему отъ Литературно-Художественнаго Общества жетонъ, а артисты театра поднесли ему серебряный вѣнокъ. Исполненіе пьесы «Отрѣзанный ломоть» было весьма недурное. Хорошо былъ г. Вравичъ, въ роли деспота помѣщика Хазиперова, создающаго адъ въ собственной семьѣ. Симпатичный образъ дочери Хазиперова, Наташи, дала г-жа Музиль-Вороздина. Идеальный миръвой посредникъ Демкинъ—г. Тинскій проявилъ много мягкости и простоты. Оживленно провела г-жа Погодина сцену бесѣды съ Демкинымъ вадорной помѣщицы Пупыриной.

* * *

А. А. Матова.

(Къ 10-лѣтію музыкально-критической дѣятельности).

Въ октябрѣ мѣсяцъ исполняется 10-ти лѣтіе музыкально-рецензентской дѣятельности А. А. Матовой, если не ошибемся, единственной представительницы прекраснаго пола въ этой неблагоприятной и тернистой области. А. А. Матова получила солидное музыкальное и въкальное образованіе, и затѣмъ посвятила себя журнальной работѣ. Рецензіи А. А. Матовой, главнымъ образомъ, печатаются въ газетѣ «Свѣтъ».

* * *

Балетъ. 10 октября въ балъ «Компедія» выступила балерина парижской Grand Opéra, Карлота Замбелли. Г-жа Замбелли родомъ италіанка, родилась въ Миланѣ (1877 г.) и, если не считать ея гастролей въ Брюсселѣ (въ 1900 г.) и въ Біаррицѣ (въ 1901 г.), то все время, начиная со школьной скамьи, прослужила въ Парижѣ, гдѣ пользовалась большимъ успѣхомъ, въ особенности, въ балетахъ «Звѣзда», «Мессидоръ», «Маладетта» и др. Не малый успѣхъ выпалъ на ея долю и на нашей сценѣ. Со времени постановки этого балета на нашей сценѣ, г-жа Замбелли является у насъ уже восьмью Сванильдоду. Если сопоставить дебютантку съ лучшими исполнительницами этой роли, — В. Цукки и В. А. Никитиной, у артистки, быть можетъ, окажется меньше экспрессивной мимики, которую составила себѣ имя Цукки, и меньше изящества и утонченной граціи, которыми отличалась г-жа Никитина, но, во всякомъ случаѣ, г-жу Замбелли слѣдуетъ признать хорошею Сванильдоду. Хотя техника ея танцевъ не отличается акробатической виртуозностью, но ея танцы не лишены красоты «классическаго стиля»; они выдержаны, стройны, элегантны и въ то же время экспрессивны. За послѣдніе годы вкус нашихъ балетомановъ воспитывался исключительно на танцовщицахъ современной италіанской школы, и потому первое появленіе г-жи Замбелли («вальсъ ревности»), не

отличающийся техническимъ блескомъ нашихъ первоклассныхъ балеринъ, вызвало въ театрѣ не то разочарованіе, не то недоумѣніе. Но съ каждою дальнѣйшею сценою, а въ особенности во второмъ актѣ, артистка завоевывала симпатіи публики все болѣе и болѣе; въ 3-мъ же актѣ, вариациями въ общемъ финальномъ танцѣ, вызвала единодушные восторги всего зрительнаго зала.

Изъ другихъ исполнителей, по обыкновенію наибольшей успѣхъ выпалъ на долю г-жи М. Петипа 1 (мазурка) и гг. Бекефи, Кшесинскаго 2 и Кякшта. За послѣднее время техническій талантъ г. Кякшта настолько развился и усовершенствовался, что ему легко могла-бы позавидовать любая европейская сцена. На нашей сценѣ г. Кякштъ—лучшій классической танцовщикъ. Театръ былъ полонъ. Н. Ф.

* * *

Эдуардъ Андреевичъ Крушевскій, двадцатипятилѣтніе музыкальной дѣятельности котораго исполнилось на этихъ дняхъ, родился въ Варшавѣ 10 октября 1857 г. Въ 1868 году поступилъ въ Варшавскую консерваторію для спеціального изученія фортепьянной игры у профессоровъ Янота и Стробля

Дирижеръ Маринскаго театра Э. Крушевскій.

(Къ 25-лѣтію дѣятельности).

и теоріи музыки у профес. Студзинскаго и Моношки. Окончивъ курсъ въ 1872 г., пріѣхалъ въ Петербургъ и въ слѣдующемъ году поступилъ въ Петербургскую Консерваторію, избравъ спеціальностью теорію композиціи. Профессорами были: Ларошъ, Иогансонъ и Римскій-Корсаковъ. Въ 1879 г. окончилъ консерваторію съ дипломомъ на званіе свободнаго художника.

На службу въ Императорскіе театры поступилъ въ 1876 г. Въ сезонѣ 1891—92 годовъ г. Крушевскому, вслѣдствіе болѣзни г. Направника, было поручено самостоятельное руживаніе, а также дирижированіе оперы «Эсклармонты» Массенэ.

1 марта 1894 г. Крушевскій былъ назначенъ на мѣсто Кучера капельмейстеромъ Русской оперы и въ качествѣ такового состоитъ до сихъ поръ.

* * *

Фарсъ. Послѣдняя новинка этого театра—«Ея сокровище», ком.-фарсъ въ 3 д., пер. Ярона и Горина-Горайнова—остроумная шутка, хотя и не отличающаяся новизной сюжета. И мужъ-рогоносецъ, и жена, обманывающая мужа, и наконецъ, традиціонный «другъ дома»—все это на лицо и представляетъ 100%-ю вариацию старой темы. Но написана пьеса съ большимъ юморомъ; въ ней много рискованныхъ qui pro quo, живой діалогъ и главное—характеры очерченны, хотя и утрированно, но мягко, въ стилѣ комедіи. Эта полукомедія исполняется

прекрасно. Тонко и съ большимъ изяществомъ играла г-жа Воронцова-Ленни жену, измѣняющую мужу съ «другомъ дома». Юморъ артистки искренній, свободный, веселость ея не дѣланная, чего нельзя сказать про большіяица другихъ артистокъ и артистовъ театра «Фарсъ». Сабуровъ весело, безъ всякихъ подчеркиваній, сыгралъ «друга дома» Гризолья. Въ тонѣ настоящей комедіи игралъ г. Пальма, хотя кое-гдѣ и прислушивался внимательнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, къ суфлеру. Упомяну еще г-жу Станилевичъ и г. Рѣшимова.

Публика, переполнявшая театръ, все время дружно аплодировала артистамъ. «Уходовъ» у г-жи Воронцовой и у г. Сабурова и Пальма—было множество. В. Д.—ий.

* * *

Петербургскій театръ. Большинству рецензентовъ и немногочисленной публикѣ, посѣтившей спектакль въ театрѣ г-жи Шабельской 10 октября, этотъ спектакль мало понравился. Дѣло, разумеется, вкуса, но лично я за все время существованія театра г-жи Шабельской не помню спектакля, который бы оставилъ столь сильное впечатлѣніе. Въ этотъ день впервые были поставлены двѣ новыхъ пьесы: «Золотое руно», др. въ 3 д. Стан. Пшибышевскаго, и «Старшина Буримбай», ком. въ 3 д. П. Рыбакова. Первая пьеса представляетъ исключительный интересъ. «Золотое руно» г. Пшибышевскаго—это не то руно, за которымъ мифическіе аргонавты шли походомъ въ Колхиду. Это—счастье, которое способна дать любовь. Но, увы, это счастье не безоблачно: путь къ нему, подобно пути въ священную рощу, гдѣ висѣло мифическое руно,—усыпанъ терніями и зачастую залитъ кровью. Такова основная мысль произведенія г. Пшибышевскаго. Параллельно ей развѣивается другая: всякій проступокъ, совершенный хотя-бы въ состояніи невѣжливости (влюбленный человѣкъ зачастую невѣжливъ) или подъ впечатлѣніемъ минуты, влечетъ за собой возмездіе и никакими искупительными жертвами избѣжать этого возмездія нельзя. Можно соглашаться или не соглашаться съ этими положеніями, но нельзя не признать, что иллюстрируетъ ихъ авторъ блестяще. Блестяще и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно просто, несмотря на символы и иносказанія, а можетъ быть, и благодаря имъ.

Я хотѣлъ-бы вамъ разсказать содержаніе пьесы. Но возможно-ли это? «Пьесу настроенія», пьесу, написанную въ полутонкахъ, нельзя передать въ нѣсколькихъ словахъ: получится только остовъ пьесы, нерѣдко банальный съ виду, ибо ея, такъ сказать, отвлеченную сущность можно выразить только художественными образами. Да и вообще, нѣтъ ничего труднѣе, какъ передать содержаніе пьесы, которая васъ «захватываетъ»: хочется сказать все, подѣлиться впечатлѣніями отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ, т. е., по выраженію Козьмы Прутковъ, хочется «объять необъятное».

Остовъ пьесы, въ общихъ чертахъ, сводится къ слѣдующему.

Нѣкій Рушицъ (г. Петросьянъ), въ дни своей юности, влюбился въ жену своего лучшаго и единственнаго друга и увлекъ ее. Мужъ, узнавъ о своемъ позорѣ, тотчасъ-же, на глазахъ Рушица, застрѣлился. Чувствуя себя виновникомъ смерти друга и притомъ опасаясь, что возмездіе падетъ на голову его сына, Густава Рамбовскаго (г. Агаревъ), онъ свою жизнь посвятилъ искупленію грѣха. Но, увы, жизнь ничего не оставляетъ безъ возмездія. Сынъ его въ свою очередь увлекаетъ жену своего подчиненнаго и друга, врача Лонскаго (г. Гинкуловъ), и подобно отцу, мучается угрызѣніями совѣсти. Женитьба на молодой, красивой дѣвушкѣ Иренѣ (г-жа Инсарова) не можетъ заставить его забыть о преступленіи, совершенномъ имъ. Ирену онъ любитъ до безумія, но это только увеличиваетъ его страданія, ибо онъ боится, что отмщенъ будетъ именно черезъ нее. Ревностью и безтолковыми придирками онъ доводитъ жену до того, что она начинаетъ его сторониться. Атмосфера, окружающая ихъ, становится все сгущеннѣе и сгущеннѣе. Ирена задыхается въ ней и начинаетъ искать «солнца и свѣта», а иногда и простого «веселья и танцевъ». «Солнце и свѣтъ» она скоро находитъ въ лицѣ сытаго литератора Пшеславскаго (г. Августовъ), который увлекаетъ ее и которому она отдается. Для Рамбовскаго наступило возмездіе: жена и Пшеславскій объявляютъ ему о своей взаимной любви. Рамбовскій застрѣливается. Ирена теперь свободна, имѣетъ право любить, т. е. она добыла «золотое руно». Но способна ли она теперь на счастье? Путь къ счастью залитъ кровью Рамбовскаго..

Повторяю—это только остовъ пьесы, очень мало говорящей уму и сердцу. Дѣло совсѣмъ не въ немъ. Вся сила пьесы въ діалогахъ и въ томъ настроеніи, какимъ проникнута пьеса. Символовъ и иносказаній въ ней не мало. Но эти символы простые, какъ проста сама жизнь. Да и сами герои г. Пшибышевскаго необыкновенно простые люди, которыхъ встрѣчаешь на каждомъ шагѣ. Это мы съ вами, читатель, съ нашими маленькими требованіями, маленькой душой и маленькими интересами. Что дѣлать? Времена героевъ и титановъ прошли; ихъ замѣнили маленькіе люди. У маленькихъ людей и дѣла маленькія и мораль совсѣмъ узенькая. Но и у насъ

есть свои горести и радости, и мы иногда прибѣгаемъ къ символамъ. Говорятъ, что дѣйствующія лица въ пьесѣ польскаго автора—полусимволы и это, кажется, ставить ему въ упрекъ. Но, быть можетъ, такъ и слѣдуетъ. Быть можетъ, каждый изъ насъ дѣйствительно полусимволь, полузагадка, которую не разгадаешь даже скупшавъ, по пословицѣ, «три пуда соли».

Единственной странной, да и то только на первый взглядъ, фигурой въ пьесѣ является Рушицъ. Его сразу можно принять за что-то отвлеченное. Но не слѣдуетъ забывать, что этотъ Рушицъ нѣсколько десятковъ лѣтъ посвятилъ «искупленію» своего грѣха. Онъ какъ бы отрѣшился отъ жизни и смотритъ на нее со стороны. Необыкновенно сильная склонность его къ анализу поэтому понятна. Отсюда и его мистицизмъ.

Если и можно за что упрекнуть автора, такъ это за его отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ. Онъ н. об. жестоко жестокъ къ нимъ и это оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Жестокость, впрочемъ, въ духѣ современной литературы. И себя казнить, и другихъ. Сердечно-благожелательное вычеркнуто изъ новаго «литературнаго курса».

Въ пьесѣ то и дѣло вспоминаютъ Священное писаніе и цитируютъ его. Но развѣ христіанство имѣетъ такой жестокой догматъ, по которому никакія искупительныя жертвы не приносятъ прощенья и забвенія?.. Наоборотъ, вся сила христіанства, привлекательность его и преимущество заключаются именно въ томъ, что оно даетъ возможность искупить грѣхи. Неотвратимость возмездія есть полный возвратъ къ язычеству.

Исполняется пьеса очень слабо. За исключеніемъ г. Петросяна, понимавшаго что онъ дѣлаетъ, всѣ исполнители удалялись или въ ходульную мелодраму, или же чересчуръ много напустили «туману». И г. Агаревъ, и г-жа Инсарова—актеры хорошіе, но только не для тѣхъ ролей, гдѣ нужны полутоны и мягкіе штрихи. Общій темпъ исполненія необходимо ускорить.

Еще слабѣе была разыграна вторая пьеса — «Старшина Бурамбай». Это рядъ жанровыхъ картинъ изъ башкирской жизни. Картины эти написаны ярко и съ большимъ юморомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что пьесу надо играть бытовымъ фарсомъ, какъ играли артисты г-жи Шабельской.

Вл. Линскій.

* * *

Новый театръ. „Ночи безумныя“ гр. Л. Л. Толстого. В. Гюго однажды сказалъ: „У васъ былъ Наполеонъ Великій, хотите-ли вы Наполеона Маленькаго?.. У насъ есть Толстой Великій, нуженъ-ли вамъ Толстой Маленькій?.. Пьеса, „Ночи безумныя“, собрала полный залъ Новаго театра. Жалкое впечатлѣніе, оставляемое этой quasi-драмой, усиливается тѣмъ, что сынъ, повидимому, силится „возстать“ противъ великаго отца. Ничтожный пигмей смѣшно топорщится, чтобы превзойти колосса. Толстой Великій, видите-ли, разрушилъ бракъ „Крейцеровой сонатой“, отсюда развратъ и мерзость, міръ близокъ къ гибели... Но тутъ является другой Толстой (маленькій), ставитъ свою пьесу въ Новомъ театрѣ, возстановляетъ бракъ и роль людской спасенья. „Голуби живутъ парами, люди должны подражать, а если кто выскочитъ изъ „парной запряжки“, то погибнетъ... „подъ колесами паровоза! Вотъ идея пьесы, если только въ ней есть идея. Чтобы доказать ее, авторъ рассказываетъ намъ слѣдующую плачевную „исторію“. Высоко нравственный и „невинный“ редакторъ декадентскаго журнала „Дѣятели“, по фамиліи Игнатьевъ, переутомился и по совету врачей уважаетъ отдохнуть въ Неаполь. Приѣхавъ въ „dolce Napoli“, въ эту „suol beato“, благословенный край, гдѣ, по мнѣнію почтеннаго автора, только и дѣлаютъ, что поютъ „жестокіе“ романсы да катаются на лодкахъ, Игнатьевъ, достаточно поздоровѣвшій для интрижки, начинаетъ видѣть „свы, неподобающіе женатому человѣку“ и, возбужденный звуками цыганскаго романса, по русски исполняемаго итальянцами, позволяетъ троюродной сестрицѣ, Наташѣ „увлечь себя“ Ночь безумная... День безумный... Обольщеніе редактора... Паденіе редактора... Занавѣсъ. Четвертый актъ: „падашій“ редакторъ хочетъ сбѣжать домой, но въ дверяхъ появляется добродѣтельная жена. Слѣдуетъ сцена объясненія. Жена готова простить „заблудшую овцу“, но редакторъ, чувствуя, что уже болѣе недостоинъ жить, бросается подъ повѣздъ. Жена моментально сходитъ съ ума. Итакъ въ общемъ это та же, одинаково неаполитанская пьесенка: „Маргарита, бойся увлеченія“!.

Хочется сказать, что гимназистъ среднихъ классовъ лучше написалъ-бы, что во всей пьесѣ нѣтъ ни одного новаго наблюденія, слова, замѣчанія, ни характеровъ, ни движенія, что трудно представить себѣ что-либо болѣе беспомощное и наивное по компановкѣ, по діалогу и т. д., что только перечитывая старыхъ критиковъ встрѣчаешь у Бѣлинскаго, рѣже у Добролюбова, отзывы о подобныхъ произведеніяхъ, что не вѣрится, чтобы въ те-

перешней русской литературѣ что-нибудь подобное могло увидѣть свѣтъ.

Впрочемъ, авторъ молодъ, вѣроятно даже очень молодъ, чрезвычайно молодъ, и потому перечисленные грѣхи можно-бы ему простить, тѣмъ болѣе, что не онъ одинъ виноватъ въ томъ, что пьеса его „увидѣла свѣтъ“. Но за нимъ есть другая вина и болѣе тяжелая—въ пьесѣ много претенціозной пошлости: рѣчи объ импрессионизмѣ, о декадентствѣ, объ англичанахъ, о свободѣ воли,—объ англичанахъ въ товѣ мелкой прессы, объ импрессионизмѣ съ точки зрѣнія фронтиса кадета, и о свободной волѣ въ немудрашемъ изложеніи гимназиста. Все это противно и оскорбительно. Передать характеръ этихъ рѣчей своими словами невозможно: ихъ надо слышать со сцены. Дальше—хуже: легкомысленно съ кондачка говорить о непротивленіи злу насиліемъ. То, до чего отецъ дошелъ годами мучительныхъ душевныхъ усилій, объ этомъ сынъ говорить съ беззаботностью „почти военнаго человѣка“.

Такова новая пьеса графа Л. Л. Толстого. Странная штука—человѣческая психологія. Темно ученіе о наследственности.

Слѣдуетъ сказать, что пьеса исполняется тщательно, а поставлена, съ режиссерской стороны, очень хорошо, на сколько позволяютъ размѣры сцены. Отличное впечатлѣніе производятъ декорация худ. Изенберга, изображающая Везувій; съ большимъ вкусомъ и чутьемъ по-

Н. И. Музиль въ 1870 г.

(Къ 35-лѣтію сценической дѣятельности).

ставлена послѣдняя сцена—вокзалъ желѣзной дороги. Не знаемъ, кто режиссировалъ эту сцену, но ясно, что толковый и понимающій человѣкъ. Среди исполнителей выдѣляется г-жа Дарская въ маленькія роли художницы—это положительно даровитая исполнительница характерныхъ и бойкихъ ролей. Г-жа Яворская исполнила весьма недурно нелѣпую роль жены. Единственное замѣчаніе—не слѣдуетъ такъ плакать въ 4 актѣ: этотъ плачь легко принять за смѣхъ. Г-жа Морская намъ не понравилась: напрасно она дѣлаетъ такіе прыжки пантеры въ сценахъ обольщенія и переживаетъ свои „ночи безумныя“ съ такимъ трагическимъ видомъ. Слабъ г. Дарскій въ роли Игнатьева: нечистая дикція, унылое однообразіе рѣчи, отсутствіе чувства. Г. Баратовъ—бойкій докторъ. Эти роли у него лучше выходятъ, чѣмъ роли любовниковъ. По амшлуа, это, очевидно,—фатъ-резонеръ. Упомянемъ еще г-жу Арнольдъ и г. Казанскаго. С. С.

* * *

Ново-Адмиралтейскій театръ. При переполненномъ залѣ Ново-Адмиралтейской столовой въ воскресенье, 7-го октября, состоялось открытіе зимняго сезона. Сцена и залъ значительно расширены. Увеличеніе сцены даетъ возможность ставить обстановочныя пьесы. Для открытія русскою драматическою труппою, подъ управленіемъ Н. С. Вехтера, поставлена была безсмертная комедія А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума». Въ роли Фамусова выступилъ самъ режиссеръ труппы, г. Вехтеръ. Слабъ г. Вронскій въ роли Чацкаго, у артиста мало темперамента. Прилична г-жа Вехтеръ (Софья Павловна) роль у нея обдумана и разработана. Г-ну Отгосону не надо бы такъ скандировать слова, играя полковника Скалозуба. Вообще, первый спектакль произвелъ приятное впечатлѣніе на публику. Въ слѣдующее воскресенье идутъ «Волки и овцы».

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Харьковъ. На-дняхъ въ театрѣ, гдѣ подвизается опера кн. Церетели, случился инцидентъ, характеризующій харьковскіе театральные нравы. Въ «Онѣгинъ» впервые выступалъ г. Ермаковъ, знакомый Петербургу, какъ драматической актеръ. По слов. «Южн. Кр.», г. Ермаковъ выступалъ въ этой роли въ первый разъ; молодой, неопытный пѣвецъ, видимо, сильно волновался и, конечно, не далъ себя «всего», однако, пѣлъ онъ, въ общемъ, очень недурно, мѣстами даже совсѣмъ хорошо, и публика вначалѣ отнеслась къ нему очень сочувственно. Въ предпоследней сценѣ пѣвецъ пѣлъ вполне прилично и толково. Публика стала ему апплодировать. И вдругъ откуда-то, «съ верховъ», раздался пронзительный, настойчивый свистки. Что это? За что свистки? Хотя и взволнованный до нельзя дикою, направленною противъ него, выходкою, молодой пѣвецъ все же доводить до конца послѣднюю сцену съ Татьяной. Опять рукоплесканія въ публикѣ, и опять свистки «съ верховъ». Яростные, звонкіе, «металлическаго» тембра свистки.

Одесса. 4-го закончились въ Городскомъ театрѣ спектакли драматической труппы Н. Н. Соловцова. Всего состоялось 32 спектакля. Изъ нихъ 2 утреннихъ, изъ которыхъ 1 бесплатный и 1 по уменьшеннымъ цѣнамъ и, кромѣ того, по уменьшеннымъ цѣнамъ состоялось 1 вечерній спектакль. Вечернихъ спектаклей по номинальнымъ цѣнамъ состоялось 29. Спектакли эти дали слѣдующіе сборы: 30 авг. «Три сестры»—1604 руб. (полн. сборъ), 31 авг. «Расплата» 510 руб., 5-го сент. «Царь Эдипъ» 586 р., 2 сент. «Тяжелые дни», «Съ лѣвой руки» 1107 р., 3 сент. «Три сестры» (во 2-й разъ) 1053 р., 4 сент. «Огни Ивановой ночи» 648 р., 5 сент. «Царь Эдипъ» (во 2 разъ) 438 р., 6 сент. «Три сестры» (въ 3 разъ) 855 р., 8 сент. «Золото» (праздн.) 1161 р., 9-го сент. «Скупой» (воскр.) 867 р., 10 сент. «Три сестры» (въ 4 разъ) 1025 р., 11-го сент. «Золото» (во 2 разъ) 485 р., 12-го сент. «Тяжелые дни», «Съ лѣвой руки» (во 2 разъ) 1277 руб., 15-го сентября «Не въ деньгахъ счастье» 682 р., 16 сентября «Родина» (воскр.) 788 р., 17 сентября «Докторъ Штокманъ» 1367 р., 18 сентября «Три сестры» (въ 5 разъ) 882 р., 19 сентября «На распутии» 594 р., 20 сентября «Докторъ Штокманъ» (во 2 разъ) 1006 р., 21 сентября «Огни Ивановой ночи» (во 2 разъ) 421 р., 23 сентября «Цѣпи» (воскр.) 1042 руб., 24 сентября «Докторъ Штокманъ» (въ 3 разъ) 968 р., 25 сентября «Франсильонъ» 746 руб., 26 сентября «Три сестры» (въ 6 разъ) 1192 р., 27 сентября «Передъ вѣчной загадкой» 1135 р., 28 сентября «Замѣстительницы» 806 руб., 29 сентября «Кровь» 450 руб., 30 сентября «Докторъ Штокманъ» (воскр.) 1295 р. и 1 октября «Горе отъ ума» 1627 рублей.

Это составитъ въ общемъ 26617 р. или около 920 р. на кругъ. Общедоступные спектакли дали слѣдующіе сборы: 16 сентября утромъ «Царь Эдипъ» 388 рублей, и 22 сентября вечеромъ «Скупой» 492 рубля. Такимъ образомъ общая сумма сбора около 28000 рублей.

Сборы нельзя не признать очень хорошими, свидѣтельствующими о потребности одесской публики въ русской драмѣ.

Севастополь. Въ числѣ претендентовъ на аренду городского театра въ будущемъ сезонѣ явился петербургскій театр «Фарсъ», который желаетъ арендовать театръ съ 1-го мая по 16-е июня, т. е. на полтора мѣсяца.

Харьковъ. «Х. Губ. В.» передаютъ о крайне бѣдственномъ положеніи живущей въ Харьковѣ бывшей драматической артистки А. З. Султановой, изкогда подвизавшейся на многихъ провинціальныхъ сценахъ. Теперь ей уже подъ бо лѣтъ.

Екатеринбургъ. Здѣсь открывается театр. школа М. З. Гольдберга.

Рига. На-дняхъ здѣсь открылся общедоступный театръ, труппа подъ управленіемъ Васькова и Оленина.

Кіевъ. Въ новомъ городскомъ театрѣ господствуетъ невозможная сырость. Пѣвцы то и дѣло хвораютъ. Дѣла плохи.

Счетнымъ отдѣленіемъ городской управы установлены неточности въ представленной предсѣдателемъ строительной театральной комиссіи вѣдомости расходовъ по сооруженію театра.

Симферополь. 10-го октября. Во время представленія въ Базарномъ театрѣ сорвалась съ каната акробатка Фернандо, ходившая по канату. Поврежденія смертельны.

Варшава. Съ воскресенья 30 сентября въ театрѣ Саксонскаго сада начались гастроли русской драматической труппы подъ дирекціей Н. С. Васильевой, въ слѣдующемъ составѣ: г-жи Васильева, Кускова, Запольская, Кузнецова, Ланина, Рудина, Е. Танѣва, Н. Танѣва; гг. Бредовъ, Басмановъ, Муравлевъ, Кузнецовъ-Ершовъ, Петропавловскій, Литвиновъ, Сахаровъ, Свирскій и др. Для перваго спектакля было поставлено «На бойкомъ мѣстѣ» и «Приличія» В. Билибина. Первый спектакль собралъ довольно много публики, прошелъ съ приличнымъ ансамблемъ и имѣлъ внѣшній успѣхъ. Исполнители главныхъ ролей: г-жа Васильева (Евгенія), Кускова (Аннушка), гг. Бредовъ (Миловидовъ), Кузнецовъ-Ершовъ (Безсудный) стяжали шумные апплодисменты. Для третьяго спектакля шла

«Власть тьмы», собравшая почти полный зрительный залъ. Всѣ исполнители имѣли успѣхъ. Труппа предполагаетъ пробыть до 1 декабря.

Пермь. 28 сент. состоялось открытіе опернаго сезона «Русалкой». Вторымъ шелъ «Фаустъ». Вновь приглашенные артисты г-жа Соловьева и г. Корскій.

Тифлисъ. Труппа подъ дирекціей С. П. Волгиной для открытія драматическихъ спектаклей поставила ком. «Горе отъ ума». По словамъ газетъ, спектакль шелъ шероховато. Фамусова игралъ г. Максимовъ, Чацкаго—г. Аркунинъ; г-жа Волгина изображала Горичеву.

Томскъ. Сезонъ въ театрѣ Королева открылся 28 сентября пьесой «Мужъ знаменитости».

Казань. «В. В.» передалъ надняхъ слухъ, что театральная комиссія сдѣлала заявленіе о недопущеніи г-жи Ухтомской-Баронелли и г. Закржевскаго къ участию въ спектаклѣхъ.

Намъ думается, что подобныя рѣшенія театральныхъ комиссій должны держаться въ глубокой тайнѣ и во всякомъ случаѣ не попадать на столбцы газетъ, ибо это все равно, что выдать артисту волчій паспортъ. Кстати замѣтимъ, что и въ компетентности всевозможныхъ комиссій мы сильно сомнѣваемся.

Полтава. Въ Полтавѣ во время спектакля труппы М. Л. Кропивницкаго произошелъ случай. Второй актъ драмы «Цыганка Аза» приближался къ концу. Г-жа Заньковецкая въ заглавной роли окончила съ хоромъ при громѣ апплодисментовъ жгучую цыганскую пѣсню и удалилась за кулисы. Вызывы и рукоплесканія не прекращались, такъ что артистка должна была повторить пѣніе, покрытое еще болѣе шумными апплодисментами, въ гулѣ которыхъ, однако, выдѣлился одинокій свистъ. Г-жа Заньковецкая, услыша этотъ единственный протестъ, крикнула изъ кулисъ: «Опустите занавѣсъ! Тамъ кто-же оказалось: свисталъ солдатикъ, не сумѣвшій инымъ способомъ выразить своего восторга и въ невѣднн театральныхъ обычаевъ поддержавшій общія оваціи свистомъ».

Рязань. Бывшая антрепренерша городского театра г-жа Малиновская, задолжавшая городу 500 руб. за аренду театра, обратилась съ просьбою въ городское управленіе сложить числящуюся за ней недоимку въ виду пражнаго исправнаго платежа арендныхъ денегъ и понесенныхъ ею убытковъ, или же принять въ уплату долга принадлежащую ей театральную обстановку, оцененную въ 500 рублей. Новый антрепренеръ г. Грубинъ изъявилъ согласіе купить принадлежащее г-жѣ Малиновской имущество за эту сумму съ условіемъ разсрочки платежа на три года.

Владивавзавъ. Сезонъ открылся 30 сентября. Драма г-жи Аничковой-Ивановой.

Харьсонъ. 1 октября состоялось открытіе сезона въ городскомъ театрѣ. Драматическая труппа г-жи Малиновской. Для открытія шла «Послѣдняя воля». Въ главныхъ роляхъ выступили г-жи Малиновская-Назимова, гг. Левицкій и Бѣлиновичъ.

Новочеркасскъ. Зимній сезонъ открылся пьесой Немировича-Данченко «Цѣна жизни» съ г. Каширинымъ и г-жей Вейманъ въ главныхъ роляхъ. Вторымъ спектаклемъ шла драма Шпажнинскаго «Въ старые годы» съ г. Петровымъ-Краевскимъ въ роли Рахманова.

Изъ новыхъ пьесъ въ ближайшемъ будущемъ пойдетъ пьеса Бріе «Замѣстительницы».

Борисоглбскъ. Труппа драматическихъ артистовъ: А. А. Чардымская; М. Н. Шадурская; Е. Н. Ильинская; Е. В. Арцимовичъ; Р. К. Лаврова; Л. А. Вольмарская; М. К. Михайлова; В. Н. Акимовъ и А. Л. Береневъ; М. Н. Онѣгинъ; Е. В. Лавровъ; А. А. Чардымскій; А. Д. Розановъ; I. М. Инсаревъ; Н. П. Каменскій; О. О. Петровъ; В. М. Лукинъ. Режиссеръ Онѣгинъ М. Н.; помощникъ С. Н. Григорьевскій; суфлеръ В. Б. Рожновскій. Сезонъ открытъ 1-го октября «Казнь».

Нининъ-Новгородъ. Драма А. А. Иноземцевой «Внѣ почвы», посвященная В. Ф. Коммисаржевской, пойдетъ на нижегородской сценѣ съ участіемъ М. М. Петипа.

Письмо въ редакцію.

М. г. г. Редакторъ! Въ № 40 «Театръ и Искусство» сообщены изъ Минска невѣрные свѣдѣнія относительно сборовъ моей труппы въ городскомъ театрѣ. За 14 спектаклей взято 4.447 руб. (безъ вѣшалки и благотв. сбора). Это составляетъ по 317 руб. на кругъ. Далѣе корреспондентъ скорбитъ о томъ, что «въ наступающемъ сезонѣ въ залѣ Общества Любителей изящныхъ искусствъ» будутъ даваться общедоступные спектакли труппы г. Суслъва. Залъ снятъ мною до 8-го октября на нѣсколько спектаклей, пока Общество начнетъ зимній сезонъ. О замѣнѣ же обществомъ народныхъ спектаклей «малороссійскимъ гопакомъ» и рѣчи не было.

О. Суслъвъ.

Изъ Мурье.

Ночь спустилась надъ рѣкою;
Съ вѣтромъ листья чуть играютъ,
И цвѣты ему всѣ грѣзы
Легкимъ шепотомъ ввѣряютъ.

* *
* *

Роза пышному бутону
Всѣ надежды посвятила,
И гвоздика шаловливо
Лясокъ свой распустила.

* *
* *

Плачетъ лилія — поникла
Бѣлой чашечкой съ тоскою...
Подъ дыханьемъ ночи присѣ
Распустился надъ рѣкою.

* *
* *

Но среди цвѣтовъ — всѣхъ лучше —
Луннымъ свѣтомъ залитая,
Для меня лишь маргаритка
Серебрится, расцвѣтая.

А. А. Мюссарфъ-Викентьевъ.

Музыкальныя замѣтки.

Наши концерты отличаются однимъ недостаткомъ—высокими цѣнами на мѣста. Чтобы любителю музыки часто бывать въ концертахъ, нужно имѣть счастливую возможность не стѣснять себя въ расходахъ. Но это удѣлъ немногихъ баловней судьбы, а потому большинство концертовъ у насъ блистаетъ зияющею пустотою, которую поневолѣ приходится маскировать даровою публикою. Не проще-ли, однако, понизить цѣны на мѣста до уровня, общепринятаго въ Западной Европѣ, и общедоступностью концертовъ привлечь наибольшій контингентъ публики? Примѣръ концерта гг. Зилоти и Вержбиловича, въ этомъ отношеніи, весьма поучителенъ. Имена этихъ артистовъ, хотя и весьма почтенныя, но не таковы, чтобы привлечь полный залъ Дворянскаго Собранія, да и слушать ихъ приходится не такъ ужъ рѣдко, чтобы нужно было рваться на ихъ концертъ. Но они, вопреки рутинѣ, сдѣлали свой концертъ общедоступнымъ и результатъ оказался благоприятнымъ какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія артистическаго самолюбія. Обширный залъ Дворянскаго Собранія былъ переполненъ публикою, что весьма рѣдко случается въ началѣ сезона.

Къ шести концертантовъ слѣдуетъ еще добавить, что они сумѣли составить очень интересную программу. Въ нее вошли, кромѣ сонаты для рояля и виолончеля Бетховена (ор. 5 № 1) и «декамерона» на маршъ изъ «Пуританъ», исключительно произведенія русскихъ композиторовъ и, притомъ, произведенія талантливыя или представляющія интересъ новизны. На первомъ планѣ среди нихъ должна быть поставлена соната для фортепiano г. Глазунова, исполнявшаяся въ первый разъ. По мѣрѣ того, какъ талантъ этого богато одареннаго композитора зрѣетъ, онъ все болѣе освобождается изъподъ мертвящей ферулы кружковщины, все болѣе становится оригинальнымъ и самобытнымъ, и каждое новое его произведеніе свидѣтельствуетъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ

автора. Повсюду чувствуется, что онъ имѣетъ сказать нѣчто свое и, притомъ, хорошее. Музыка г. Глазунова лишена романтическаго духа и мягущейся судорожности нашего вѣка. Она отличается здоровою уравновѣшенностью, столь рѣдкою въ наше нервное время, и дѣйствуетъ успокоительно на слушателя. Къ этому слѣдуетъ добавить совершенство формы и музыкальнаго письма. Этими же достоинствами отличается и названная соната. Кромѣ благородства идей и настроенія, въ ней обращаетъ на себя вниманіе превосходная и далеко незаурядная фактура. Прекрасное впечатлѣніе произвела «Petite ballade» г. Аренскаго для виолончели. Это изящная вещица, художественная по стилю и полная настроенія. Нельзя того-же сказать про «Esquisse» г. Витоля (для виолончели), въ которомъ блѣдность замысла не даетъ даже канвы для дальнѣйшихъ узоровъ. Г. Лядовъ—мастеръ на этюды и его этюдъ ор. 37, исполненный г. Зилотти, принадлежитъ къ числу весьма удачныхъ. Сюита для двухъ роялей г. Рахманинова возбудила живое любопытство, потому что этого автора у насъ знаютъ еще очень мало, да притомъ композиторъ самъ исполняетъ одну изъ партій рояля. Но пьеса не оправдала общаго интереса. Хотя она свидѣтельствуетъ о превосходномъ знаніи г. Рахманиновымъ фортепiаннхъ эффектовъ и нелюжиномъ умѣнii писать для этого инструмента, но произведеніе оказалось сухимъ, холодноватымъ и лишеннымъ яркой физиономіи. Ни вальсъ, ни тарантелла недостаточно характерны, а романсъ скученъ.

Исполнена была программа, въ общемъ, превосходно. Оставляя только желать много лучшаго соната Бетховена, въ исполненіи которой не было ни стили, ни проникновенія. Г. Зилотти—пианистъ серьезный и вдумчивый. Къ числу его достоинства слѣдуетъ отнести музыкальность фразировки и благородство исполненія, но онъ страдаетъ недостаткомъ темперамента и нѣкоторою сухостью игры. Онъ превосходно сыгралъ сонату г. Глазунова, которая своимъ объективнымъ характеромъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ дарованію г. Зилотти. Безукоризненно, въ техническомъ отношеніи, сыгралъ онъ вариации на маршъ изъ «Пуританъ», написанныя Листомъ, Тальбергомъ, Шопеномъ, Пиксисомъ и Герцомъ. Какъ это ни странно, но самую безцвѣтную оказалась вариация Шопена, который изъ темы марша сдѣлалъ ноктюрнъ. Прелестна, по изяществу стили и благородству фортепiаннхъ эффектовъ, вариация Герца, тогда какъ Тальбергъ и Листъ дальше бравурности не идутъ.

Г. Вержбиловичъ, какъ всегда, поражалъ пѣвучестью смычка и музыкальностью фразировки, хотя мѣстами интонація была и не безупречна.

Эженію де Пирани—такъ зовутъ нѣкоего берлинскаго музыкальнаго критика. Пишетъ онъ въ мелкой прессѣ и ужъ, конечно, грѣшитъ по части композиторства. Не знаю, обильны-ли лавры пожинаетъ онъ въ Германіи—странѣ, какъ извѣстно, музыкальной по преимуществу—но, видно, этихъ лавровъ показалось ему недостаточно, и онъ рѣшилъ удивить міръ искусствомъ, предпринявъ артистическое турнѣ по Россіи. Первымъ этапомъ этого путешествія послужила наша столица и 9 октября состоялся его концертъ въ залѣ Кредитнаго Общества. Г. Пирани лично выступилъ только въ качествѣ аккомпаниатора и вся программа концерта была составлена исключительно изъ его произведеній. Чтобы весь вечеръ безъ скуки слушать одного композитора, нужно, чтобы это былъ перворазрядный талантъ, умѣющий захватить слушателя, взволновать душу, плѣнить воображеніе обильными грезами. Въ произведеніяхъ же г. Пирани вдохновеніе, и не ночевало. На всѣхъ ихъ лежитъ печать непродолимой банальщины и безсодержательности. Г. Пирани смѣлъ и отважно предпринимаетъ набѣги на всѣ жанры вокальнаго искусства. Сочиняетъ онъ и испанскіе романсы, и итальянскія баркароллы, «Kinderlieder» и «Bettlerlieder», и серьезные вѣщи, и юмористическія. Но вездѣ неизмѣнно присутствуетъ духъ сѣрой безличности и унылой заурядности. Всѣ его сочиненія одинаково кажутся дѣтскими по замыслу, нищенскими по содержанию, а въ юмористическихъ произведеніяхъ самое смѣшное—это погуги автора быть непременно смѣшнымъ.

Для достойнаго истолкованія своихъ творческихъ оценокъ, г. Пирани пригласилъ г-жу Альму Пауэль, примадонну нью-йоркской оперы, какъ значится въ афишахъ. Г-жа Пауэль принадлежитъ къ тому же разряду пѣвицъ, какъ и Ада Колей, подвизавшаяся на Крестовскомъ. У нея феноменально развитъ головной регистръ, и здѣсь она доходитъ до конечныхъ ступеней скалы человѣческаго голоса. Но это относится уже къ области чистаго акробатства. Крайняя рискованность этихъ звуковъ возбуждаетъ въ васъ какое-то жуткое ощущеніе, вамъ все кажется, что пѣвица вотъ-вотъ «сорвется съ трапези» и въ результатъ, вмѣстѣ эстетическаго наслажденія, вы испытываете тягостное чувство страха. Притомъ, нужно быть очень наивнымъ, чтобы восторгаться высокими нотами, an und für sich, безъ всякаго отношенія къ художественнымъ цѣлямъ. Интонація г-жи Пауэль довольно сомнительная, а произношеніе совершенно невнятное. Трудно даже понять, на какомъ языкѣ поетъ она. Г-жа Пауэль старается воспомнить

„Флакманъ“ („Педагогич“) въ театрѣ Корша.

1. Приемная въ училищѣ. 2. Флеммингъ и Флакманъ (Леонидовъ и Свѣтловъ). 3. Проф. Прелль (Яковлевъ). 4. Уч. Венденбаумъ и Риманъ (гг. Пельцеръ и Тарскій). 5. Уч-ца Штурханъ (Васильева). 6. Директъ (Петровскій). 7. Сторожъ Нейнданкъ (Вязовскій).

Рис. Вязовскаго.

свое пѣніе оживленною мимикою, умѣстной, впрочемъ, болѣе на открытой сценѣ, чѣмъ на концертной эстрадѣ. Пѣвица обнаружила замѣчательную неутомимость, исполнивъ одна, весь вечеръ, обширную программу, переполненную песнями, вся цѣль которыхъ дать исполнителямъ возможность изумлять публику головоломнѣйшими «трюками» вокальной эквилибристики. Въ концѣ этого рода пьесъ, безспорно, слѣдуетъ признать исполненныя г-жею Пауэль «Variationi sulla scala diatonica», въ которыхъ музыкальная пошлость успѣшно конкурируетъ съ тупою безсодержательностью. Прослушать цѣликомъ такую программу не легко. Какъ это ни странно, но самая тяжкая и гнетущая вещь въ мирѣ, это—пустота.

Публики на концертѣ было довольно много, аплодировали усердно и на-дняхъ предстоитъ второй концертъ г. Пирани. Стало-быть... все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ мировъ.

И. Ки—скій.

Московскія письма.

Всякія бываютъ пьесы и самыя совершенныя изъ нихъ могутъ раскритиковать—и съ неотразимою мотивировкой—любой изъ зрителей. Значитъ это только то, что «искусство трудно—критика легка», и ничтожна цѣна самоудовольству критикана, разбранившаго ту или другую пьесу. Ибо гдѣ у него «вѣсы правосудія»? Попытка создать для искусства теорію и поставить критику на научную философскую почву не привела ни къ какому результату. Критика какъ была, такъ и осталась глубоко субъективной, импрессионистской и прежде всего—искусствомъ, такимъ же самоцѣльнымъ, какъ и всякое другое. То, что высказываетъ о какомъ либо произведеніи

талантливый критикъ, интересно само по себѣ, потому что его впечатлѣнія тонкія, глубокія и изощренныя. Разбираемое произведение отходитъ на задній планъ, выдвигается миръ души самого критика и тѣ краски, которыми онъ его передаетъ: одно искусство уступаетъ мѣсто другому. И истинный критическій талантъ безцѣненъ: онъ удивительно рѣдкое явленіе среди непосредственныхъ творческихъ дарованій. Вотъ почему его многочисленныя «замѣстители» должны съ особенною строгостью относиться къ своей работѣ и не выходить изъ роли лѣтописцевъ, ибо математическаго критерія для искусства нѣтъ и никогда не будетъ. На мой взглядъ существуетъ только одинъ неоспоримый критерій, имѣющій практической смыслъ: это отношеніе художника къ своему искусству. Все равно какъ—хорошо или плохо,—но художникъ обязанъ дѣлать дѣло искусства со всѣмъ доступнымъ ему совершенствомъ. Онъ обязанъ уважать искусство. Онъ долженъ имѣть право сказать: «слѣлалъ, что могъ», по поводу каждаго изъ своихъ произведеній. Для него могутъ существовать всякія «смягчающія вину обстоятельства», но не для критики.

Если бы «Нефтяной фонтанъ» написалъ неопытный неуклюжій дебютантъ, то была бы просто плохая пьеса рекомендуемая новичка не безъ дарованія, только съ очень банальнымъ вкусомъ и рутиннымъ чувствомъ сцены. Пожалуй, при этомъ можно было предположить, что дебютантъ въ зрѣломъ возрастѣ и поздно занялся искусствомъ: въ пьесѣ нѣтъ юности, никакого увлеченія. Но можно было и жестоко ошибиться. Въ послѣднее время стали появляться очень складныя и даже даровитыя произведенія молодыхъ писателей, отъ которыхъ пахнетъ архивною пылью. Это довольно знаменательно, но объ этомъ въ другой разъ.

Какъ бы то ни было, но «Нефтяной фонтанъ» никакъ нельзя признать за добросовѣстную работу опытнаго литератора. Журналистъ и поэтъ,—а значитъ, и человѣкъ насущной жизни, и прекрасной мечты,—г. Величко не могъ не знать, что нельзя на водевилномъ проишествіи строить серьезную комедію и не могъ не чувствовать, что въ пьесѣ нѣтъ живого мѣста. Г. Величко и драматургъ. Когда онъ писалъ «Первую муху», онъ могъ написать ее умно, красиво, даже изысканно: она была гораздо лучше въ его единоличной редакціи, чѣмъ въ редакціи г. Крылова, и именно потому, что не была банальна, не была обезличена ремесленнымъ приспособленіемъ къ сценѣ. Его новая комедія—рядъ черновыхъ набросковъ, безъ разбора сваленныхъ въ одну кучу; въ концѣ концовъ появляется какая-то княгиня, не имѣющая ровно никакого отношенія къ дѣйствію пьесы и «читаетъ» со сцены то, что зовется «идеями»: русскіе уже разъ, цѣною крови, героическихъ усилій, завоевали Кавказъ—теперь имъ предстоитъ отвоевать его вторично у людей, преслѣдуемыхъ однѣмъ эгоистическімъ матеріальнымъ цѣлемъ. Эта княгиня играетъ роль «хора» классической трагедіи, но все, что безсвязно и ненужно происходитъ на сценѣ, не даетъ матеріала ни для какихъ выводовъ. Въ пьесѣ нѣтъ ни одного живого лица, и если нѣкоторымъ изъ нихъ и придана типичность и даже жизненность, то это сдѣлали прекрасныя актеры Малаго театра: г. Ленскій, г-жа Федотова и другіе. Кромѣ того, когда адѣсь въ первый разъ ставится пьеса, невольно ищешь въ ней значительности. Можетъ быть, это особый родъ гипноза, но со сцены Малаго театра чувствуется до сихъ поръ духъ его прошлаго. Этотъ театръ захирѣлъ отъ чиновничьей рутинны и туслаго репертуара послѣднихъ лѣтъ, но на его сценѣ и теперь больше, чѣмъ гдѣ либо выдающихся дарованій и неизяснимо обаятельная благородная простота и строгость старой школы. Репертуаръ нынѣшняго сезона, кажется, будетъ еще блѣднѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущіе: пока поставлены «Наемницы» и «Нефтяной фонтанъ».

Въ сущности, на русской сценѣ чаще всего представляютъ иностранныя произведенія. Не большихъ авторовъ, имѣющихъ мировое значеніе, а самыхъ второстепенныхъ—узенькихъ и всегда специфически мѣстныхъ. Достаточно самой несложной статистики, перечня новыхъ постановокъ въ московскихъ театрахъ съ начала сезона—для того, чтобы это доказать. Иностранцы: *Бригъ*: «Кормилицы», «Кольбель»; *Катосъ*: «Мелкая сошка»; *Эрнстъ*: «Современная молодежь», «Воспитатель Флакманъ». Русскіе: *Гославскій*: «Разрывъ-трава» и *Величко*: «Нефтяной фонтанъ». Иностранцы относятся къ русскимъ, какъ 5 : 2. Такое отношеніе не случайно, а давно и прочно установилось. Немного лѣтъ тому назадъ русскихъ пьесъ было, какъ будто бы больше, но происходило это оттого, что маленькіе иностранцы шли въ передѣлкахъ гг. Крылова, Мансфельда, Разсохина, многихъ другихъ и считались за русскихъ. Теперь иностранные авторы идутъ въ переводахъ и могутъ,

освѣщающую чуждую намъ жизнь, показывать настоящую окраску и истинные размѣры своихъ дарованій. Очень интересенъ вопросъ о передѣлкахъ для сцены. Логически передѣлки кажутся нелѣпностью: никому не пришло въ голову передѣлать иностранный романъ, приспособивъ его дѣйствіе къ нашимъ равнинамъ. Между тѣмъ передѣлками иностранныхъ авторовъ для русской сцены занимался самъ Островскій. «Переводъ пьесы «En attendant» называется «Пока». Если Л. хочетъ взять эту пьесу, такъ я ее передѣлаю, оставлю только сюжетъ, выйдетъ вещь очень сценичная. Для меня это дѣло одной недѣли». Одноактная пьеса моя не оригинальная и не переводъ, а заимствованная... Есть кое что начатое, есть намѣченные передѣлки... — пишетъ онъ къ Бурдину. Искусство актера и съ нимъ «роль» всегда имѣли въ театрѣ преимущественное значеніе и подчинили себѣ драматическую литературу, отводя ей служебное мѣсто. Въ освобожденіи драматической литературы изъ-подъ гнета условной сценичности прежде всего проявится обновленный театръ будущаго. Тогда драматическій авторъ станетъ настоящимъ писателемъ — такимъ же, какъ другіе, овладѣвшіе иною формой, въ его произведеніи станутъ искать прежде всего не хорошихъ ролей, а свѣжихъ идей и тонкихъ настроеній. Искусство актера только возвысится отъ этого, сдѣлается очень глубокимъ, но и очень труднымъ искусствомъ, недоступнымъ для «сценическихъ дѣятелей». Ибо если не будетъ «ролей», то это только значитъ, что не будетъ безжизненныхъ холодныхъ трафаретовъ: героини, любовника, благороднаго отца, комической энженю, а будутъ люди — такіе же вѣчно загадочные, каковы всѣ люди, и будутъ страсти — такіе же вѣчно измѣнчивыя, каковы всѣ страсти. На сценѣ будетъ только одна настоящая, вся въ контрастахъ и вѣчномъ движеніи жизнь, преобразенная искусствомъ до яркихъ — ей свойственныхъ, но недоступныхъ проявленій. Такимъ театръ станетъ тогда, когда будетъ такимъ отъ Чехова до послѣдняго бездарнаго подражателя, ибо одно дѣло — талантъ и другое — манера и техника. Дѣло не въ томъ, какъ хороши работы, а въ томъ, какіе образцы признаются совершенными.

Передѣлка, какъ нѣчто нелѣпое и специфически театральное, исчезаетъ на нашихъ глазахъ, но хорошій переводъ интереснаго, хотя бы и второстепеннаго чужаго автора, всегда умѣстенъ на сценѣ. Особенно теперь, когда, напримѣръ, нѣмецкая драматическая литература полна жизни, протеста, свѣжихъ формъ и свѣжихъ дарованій. Въ Новомъ театрѣ предполагали поставить драму молодого нѣмецкаго автора Макса Дрейера «Въ глуши». Очень жаль, что эта драма по необъяснимымъ причинамъ откладывается до будущаго года. Это очень сильное и цѣльное произведеніе, отъ котораго пахнетъ свѣжестью угрюмого лѣса и прекраснымъ тѣломъ съ горячею кровью. Эта драма въ переводѣ г-жи Чюминой называется «Зимній сонъ».

Эрнстъ, авторъ двухъ пьесъ: «Современная молодость» и «Воспитатель Флакманнъ», поставленныхъ на сценѣ Новаго театра — большой рутинеръ, но очень даровитый авторъ для комедии. Нѣмецъ онъ съ ногъ до головы. Его остроуміе тяжело, настроенія сентиментальны, интрига искусственна, но его комедии даютъ цѣлый рядъ очень выдержанныхъ и характерныхъ фигуръ: онъ твердо знаетъ, чего хочетъ. «Флакманнъ» обошелъ всѣ нѣмецкія сцены и въ Москвѣ собираетъ много публики въ двухъ театрахъ сразу (онъ идетъ одновременно у г. Корша). Тутъ замѣшалась одна очень смѣшная случайность: въ пьесѣ съ протестомъ противъ рутиннаго нѣмецкаго школь стали видѣть злобленность для русскаго общества — для русской школы, въ которой, какъ извѣстно, ожидаютъ большія реформы. «Флакманнъ» всегда могъ рассчитывать на вниманіе публики, какъ хорошій комедіантъ — благодаря этой случайности, онъ попалъ въ «теченіе» и даже на переднія страницы «Московскихъ Вѣдомостей». Познакомившись съ «Флакманномъ», нельзя не подивиться этому случаю. Учитель народнаго школь, бѣлокурый нѣмецъ Флеммингъ, ставшій въ положеніе «борца», потому что рѣзвится въ часъ отдохновенія съ своими учениками, изображаетъ для нихъ какіе то «уроки искусства» и грубитъ начальству, такъ страшно далеко, какъ дѣятель, отъ суровой русской дѣйствительности, что кажется желторотымъ птенцомъ. Еще дальше: онъ отъ насъ, какъ человѣкъ — носитель извѣстнаго духовнаго міра: наивная вѣра въ значеніе своей воспитательной работы; сентиментальныя сцены любви съ молодого учительницей подъ музыку издали несущагося хора дѣтскихъ голосовъ — все это для насъ до такой степени ни на что не похоже, что даже не кажется правдой. Русская жизнь вся въ процессѣ мучительныхъ исканій и полна скептицизма; ея обстановка такова, что Флемминги пропадали бы въ ней мгновенно, какъ дождевыя пузыри.

Комедія г. Эрнста недурно, но немножко вяло разыгрывается на сценѣ Новаго театра. Очень хороша г. Падаринъ въ роли инспектора Прелля. Г-жа Селиванова (Гиза Хольмъ) проста и привлекательна, но совсѣмъ русская дѣвушка, а не сентиментальная фрейлейнъ. Г. Саловскій 2, по моему, подходит къ роли Флемминга, потому что играетъ ее съ довольно противной слащавостью (что сообщаетъ пьесѣ надле-

жашую окраску), но если видѣть въ Флеммингѣ «маленькаго героя» — надо играть его глубже и выразительнѣе. Флакманна — зловѣщее гнѣздо всѣхъ пороковъ рутиннаго воспитателя, на самомъ дѣлѣ, слабую букашку, оказавшуюся, въ концѣ концовъ даже съ подложнымъ учительскимъ дипломомъ — играетъ г. Яковлевъ 2. Это очень хорошій артистъ, который всегда чувствуетъ мѣру и правду исполненія и умѣетъ находить для нихъ настоящей тонъ. Флакманнъ 3-го акта, испуганный, приниженный, выбитый изъ колеи — выходитъ у него особенно живою фигурой. Вообще «Флакманнъ» удачная постановка на сценѣ Новаго театра, и говорятъ, что у Корша онъ идетъ еще лучше. У большой публики эта пьеса имѣетъ самый значительный успѣхъ въ настоящемъ сезонѣ.

Открылся новый драматическій театръ — «театръ г-жи Пуаре». Въ то время, какъ въ провинціи насчитываютъ двѣтри хорошихъ драматическихъ антрепризы, въ столицахъ возникаютъ все новыя и новыя театральныя предпріятія. Всѣ газеты переполнены театрами, строятся новыя театральныя зданія, драматургическое авторство растетъ, армія «сценическихъ дѣятелей» увеличивается. Не наступаетъ ли «золотой вѣкъ» для русскаго театра?

Судя по тому, что изъ новыхъ предпріятій ни одно не удерживается (можно считать прочными только театръ Литературно-Художественнаго Общества въ Петербургѣ и Московскій Художественный), актеры ополчились противъ рецензентовъ, изъ театральныя зданія самое лучшее строитъ г. Омонъ для кафе-шантана, ни одна изъ пьесъ новыхъ авторовъ не утвердилась въ репертуарѣ, если не была окрашена балаганнымъ патриотизмомъ, какъ «Имаилъ», пикантными спеціями «Рабынь веселья» или не рассчитывала на успѣхъ скандала, какъ «Контрабандисты», такъ за послѣдніе годы не явилось ни одного выдающагося сценическаго дарованія, — слѣдуетъ думать, что «вѣкъ золотой» еще очень далеко. Во всякомъ случаѣ, не въ современной театральной горячкѣ можно искать признаковъ его приближенія.

Утверждаютъ, что г-жа Пуаре будетъ исключительно ставить мелодрамы. «Театръ мелодрамы» такъ же мало понятенъ для меня, какъ спеціальныи «народный театръ», куда слѣдуетъ идти вмѣсто того, чтобы пить водку. Почему мелодрама и кому она нужна? Наконецъ, глѣ же искать этотъ заглохшій родъ сценическихъ произведеній? На русскомъ языкѣ теперь никто не пишетъ мелодрамъ, хотя большинство плохихъ пьесъ и сбиваются на мелодраму. Тогда театръ г-жи Пуаре долженъ стать въ сущности театромъ плохихъ пьесъ. Это, кажется, такъ и будетъ. Театръ открылся «Дамой бубенъ» — утомительнымъ врѣщемъ иностраннаго происхожденія, полнымъ приключеніемъ и всяческихъ случайностей. Въ слѣдующій спектакль были поставлены «Контрабандисты», справедливо причисленные къ числу пьесъ, которыя театръ г-жи Пуаре избираетъ своей спеціальностью, и общана пьеса «Вокругъ пылающей Москвы», также не нарушающая принципа. Однако, мнѣ кажется, что извѣстныя свойства «Контрабандистовъ», за которыя г. Литвину молодой театръ не даромъ заплатилъ хорошаго денги — разрушатъ всѣ его дальнѣйшія предположенія. Театръ очутится въ положеніи малороссійской труппы г. Суслова, которая въ прошломъ году начала съ гопака передъ пустою залой, случайно наткнулась на «Рабынь веселья», да такъ и застряла на цѣлый сезонъ за несвойственнымъ дѣломъ, впрочемъ, къ полному своему удовольствію. Я не видалъ «Контрабандистовъ», но первый вечеръ театръ г-жи Пуаре произвелъ на меня грустное впечатлѣніе. Публики собралось обидно мало, было пусто, скучно и холодно. Труппа слаба до жалости и кажется еще слабѣе, смущенная такимъ «открытіемъ» новаго дѣла.

П. Ярцевъ.

Театральныя замѣтки.

П. Д. Боборыкинъ написалъ новую пьесу „Въ отвѣтъ“, поставленную на дняхъ въ первый разъ на сценѣ Александрискаго театра. На этотъ разъ почтенный авторъ уклонился отъ своихъ обычныхъ приемовъ — отражаетъ въ беллетристической формѣ мимо бѣгущую жизнь, или какую-нибудь характерную сторону общесвенности, но задался цѣлью написать психологическую драму, одинаково интересную для всякаго времени. Цѣль, разумѣется, прекрасная, но едва ли подобная задача въ средствахъ почтеннаго автора. Поэтомъ, психологомъ П. Д. Боборыкинъ никогда не былъ. У него есть наблюдательность, живость и отзывчивость просвѣщеннаго

ума, ясность и опредѣленность міросозерцанія, но онъ не отличается ни чувствительностью, ни способностью воодушевленія, ни страстностью. П. Д. Боборыкинъ—холодный авторъ. Онъ себя чувствуетъ привольно среди „ума холодныхъ наблюдений“, но не среди „сердца горестныхъ замѣтъ“. Нигдѣ не найдешь у него лирическаго изліянія, возгласа, идущаго отъ души, восторга, потрясенія. Какъ всякій авторъ съ аналитическимъ умомъ, П. Д. Боборыкинъ въ своихъ этюдахъ о процессѣ творчества и своей исторіи европейскаго романа, пытается создать теорію реализма, въ оправданіе и поясненіе своихъ художественныхъ намѣреній. Но дѣло совсѣмъ не въ намѣреніяхъ, а въ строѣ художественной природы. Реализмъ есть, вообще, понятіе, которое употребляется на разные лады, и иногда совершенно невѣрно. Реализмъ также нуждается въ неуловимыхъ и незримыхъ приѣмахъ наблюденія, какъ и всякая другая литературная манера. Реальной психологіи и вообще не существуетъ, потому что психологическій процессъ также незримъ, какъ воздухъ. Нашъ глазъ не видитъ воздуха, но постигаетъ преломленіе лучей. Точно также мы не видимъ, а только догадываемся о психологическихъ мотивахъ, наблюдаемъ же поступки. Для этого высшаго зрѣнія необходимо быть поэтомъ, и когда поэзіи въ душѣ нѣтъ, наблюденіе авторомъ жизни и воспроизведеніе ея всегда будутъ поверхностны.

Я предпочитаю, поэтому, когда г. Боборыкинъ „уловляетъ современность“. Въ этихъ случаяхъ почтенный авторъ, благодаря широкому образованію и живости ума, представляетъ несомнѣнный интересъ. „Тегге нече“ можно описывать и поверхностно, потому что предметъ еще мало знакомый, и всякое давленіе въ этомъ направленіи — благо. Напрямѣръ, интересно читать географическое описаніе Шпицбергена, ибо мы тамъ не были и его не знаемъ, но насъ нисколько не удовлетворитъ географическое описаніе Лужскаго уѣзда, который намъ очень хорошо извѣстенъ. Отъ описанія Лужскаго уѣзда мы потребуемъ поэзіи, красоты, увлекательности, и если не найдемъ въ этомъ описаніи ничего, что было бы для насъ ново, что являлось бы извѣстнымъ смысломъ откровеніемъ, — намъ покажется это скучнымъ, старымъ, ненужнымъ.

Сюжетъ, разработка, типы, идеи и мысли новой пьесы г. Боборыкина „Въ отвѣтъ“ — это въ своемъ родѣ Лужскій уѣздъ Петербургской губерніи. „Въ отвѣтъ“ предъ дѣтьми—родители, если въ прошломъ они поступили „не по поступкамъ“, какъ выражаются герои г. Лейкина. Оперная примадонна прижила съ молодымъ скульпторомъ Ховринымъ дочь, а затѣмъ позволила себя увлечь нѣкому Курьдину и убѣжала отъ Ховрина, захвативъ свою дочь. Прошло почти 25 лѣтъ. Курьдинъ давно женился на примадоннѣ, сталъ сановникомъ, узаконилъ дочь, якобы она рождена отъ него (кстати, маленькая неточность: узаконеніе черезъ послѣдующій бракъ—*per subsequens matrimonium*—введено русскимъ законодательствомъ не болѣе 10—12 лѣтъ,—г. Боборыкину, всегда точному и стремящемуся къ „научности“, не слѣдовало допускать такой погрѣшности), прижилъ сына Дика, котораго онъ любитъ меньше, нежели узаконенную Ваву. Молодая дѣвушка стремится устроиться самостоятельно, увлекается скульптурой и искусствомъ. Ховринъ является къ ней, чтобы посмотреть ея работы и неожиданно сталкивается съ Курьдиной. Одного взгляда достаточно, чтобы они узнали другъ друга. Стало быть, это его дочь, вотъ эта симпатичная дѣвушка, увлекающаяся скульптурой. „Ни слова!“ говоритъ Курьдина. Но въ это время появляется Вава, слышитъ весь раз-

говоръ и догадывается, въ чемъ дѣло. Это — мелодраматично и старо, но, по крайней мѣрѣ, заключаетъ нѣкоторое движеніе, тогда какъ дальнѣйшіе три акта совершенно безцѣльны и ненужны. Вава — 25 лѣтъ, она и безъ того тяготеетъ жизнью свѣтской дѣвушки и устроила свой кружокъ изъ студентовъ, курсистокъ, молодыхъ социологовъ и проч., про которыхъ даже въ афишѣ сказано „изъ кружка Вавы“. Живетъ она на особой половинѣ и занимается своимъ искусствомъ, отрѣзанная отъ міра Курьдиныхъ. Тутъ нѣтъ совершенно элементовъ драмы. Что Вава уйдетъ—это понятно, потому что она и безъ того ушла бы. Да, наконецъ, когда дѣвушка 25 лѣтъ, то и помимо особенностей ея склада и природы, бываетъ такъ, что послѣ „*patria potestas*“, отцовской власти, она переходитъ „*sub manu mariti*“, подъ власть мужа. Какъ ничего драматическаго нѣтъ въ томъ, что старикъ 70—80 лѣтъ умираетъ, такъ точно вполне естественно, что 25-лѣтняя дѣвушка уходитъ изъ дому, гдѣ она росла. Въ лучшемъ случаѣ, ея мать была бы тещей, а приемный отецъ, любящій ее какъ родную, тестемъ. Такимъ образомъ, всѣ попытки г. Боборыкина создать изъ Вавы предметъ борьбы между Ховринымъ и Курьдиными построены на фальшивомъ основаніи. Нѣтъ борьбы изъ за Вавы, потому что Вава сама дѣлаетъ, что захочетъ. Споръ людей изъ за того, будетъ ли завтра дождь или ведро, есть споръ логическій, но не психологическій и не моральный, потому что дѣло не въ томъ, кто правъ въ своихъ соображеніяхъ и кто неправъ, а въ томъ, что завтра будетъ такая погода, какая ей положена. Такимъ образомъ, постановка вопроса въ пьесѣ г. Боборыкина лишена всякой моральной цѣнности, и напрасно авторъ полагаетъ, что кто-то, будто бы, „въ отвѣтъ“. Да за что отвѣчать? Г. Боборыкинъ такъ распредѣлил свой возможный случай, что некому отвѣчать. И не за что. Скульпторъ Ховринъ самъ сознается, что былъ кутила, игрокъ, и по всей вѣроятности, хуже воспиталъ бы свою дочь, нежели приемный отецъ Курьдинъ. Вотъ если бы Ховринъ черезъ 25 лѣтъ встрѣтилъ не Ваву, про которую онъ говорить: „въ ней моя любовь къ свободѣ, моя душа, мой талантъ“, а исковерканную пустую, свѣтскую дѣвицу,—онъ бы могъ еще сказать: „вы въ отвѣтъ, что отняли у меня дочь, которая могла бы быть похожей на меня, художника, а похожа на васъ, птичеголовыхъ представителей *high-life'a*“. Но Вава, вѣдь, доставлена въ сохранности. Или если бы несчастный скульпторъ, потерявъ все въ своей жизни, нашелъ свою дочь, а та его отвергла-бы, отвѣтивъ: „я васъ не знаю, вы для меня чужой, я не признаю инстинкта крови“,—и здѣсь чувствовалась бы нѣкоторая драма, и былъ бы человекъ, Ховринъ, который вызывалъ бы состраданіе, и другіе, которые вызывали бы негодованіе. Но вѣдь у г. Боборыкина не такъ, вѣдь Вава уходитъ съ Ховринымъ. Кто же предъ кѣмъ въ отвѣтъ?

И при всемъ томъ, что я сказалъ выше о творествѣ г. Боборыкина, лишенномъ поэзіи и чувства, и что было высказано насчетъ его послѣдней, безъ сомнѣнія, очень неудачной пьесы, — я испытывалъ въ театрѣ чувство увѣренности и спокойствія, которое, увы, покидаетъ меня обыкновенно на представленіяхъ новинокъ. На сценѣ играли пьесу литератора. То, что говорили актеры на сценѣ, были не просто слова, набранныя какъ попало, и матеріаль, предложенный исполнителямъ, былъ матеріаль обдуманый, расположенный въ порядкѣ, обработанный рукою мастера. Ибо, дѣйствительно, приходится сознаться, что литература исчезаетъ изъ театра, что гг. авторы новыхъ пьесъ отличаются и необыкновенною беззаботностью,

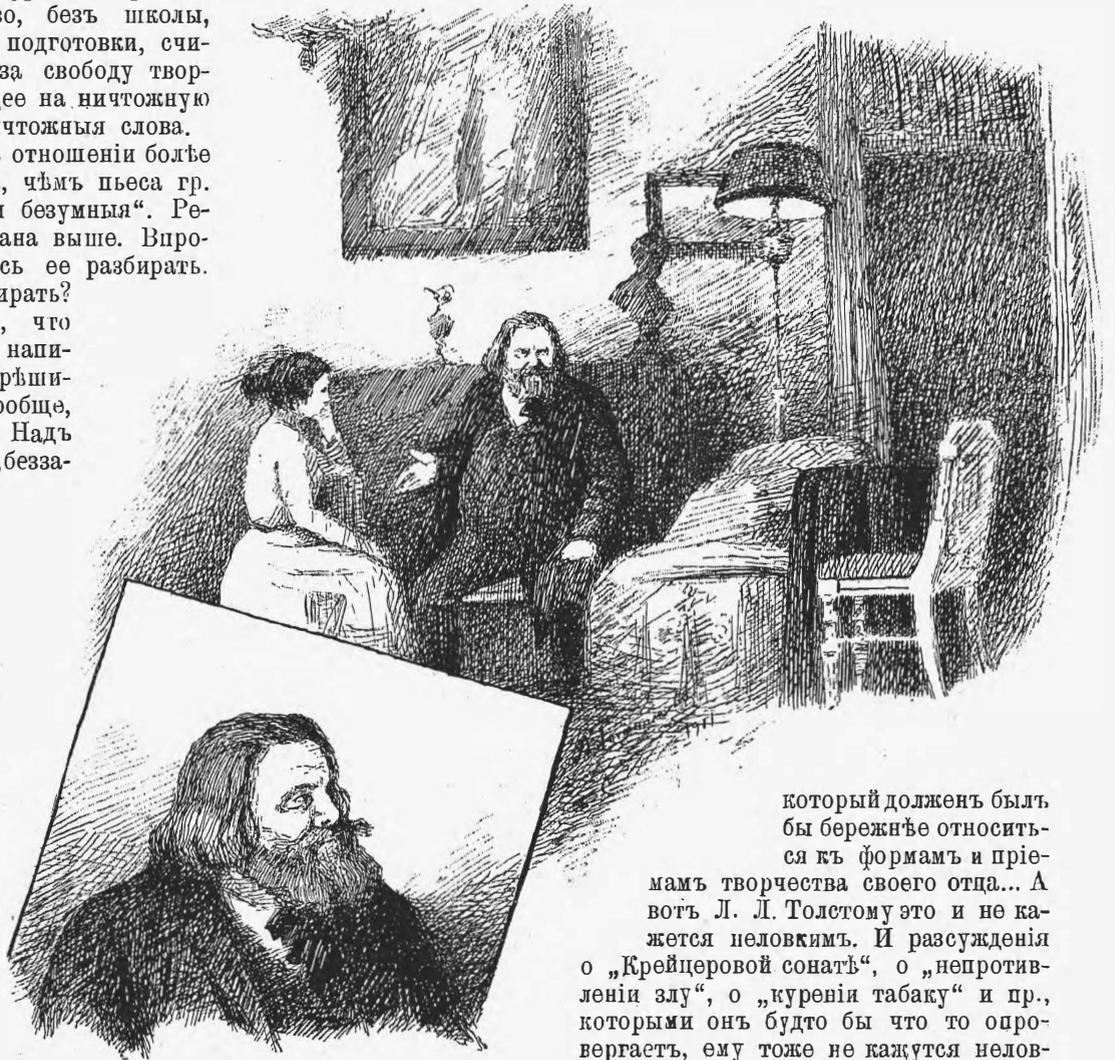
и несомною легкостью въ мысляхъ, что въ область драматургіи вторглось какое-то любительство, безъ школы, безъ опытности, безъ подготовки, считающее развязность за свободу творчества и нанизывающее на ничтожную фэбулу еще болѣе ничтожныя слова.

Я не знаю въ этомъ отношеніи болѣе разительнаго примѣра, чѣмъ пьеса гр. Л. Л. Толстого „Ночи безумныя“. Рецензія о ней напечатана выше. Впрочемъ я и не собираюсь ее разбирать. Что ужъ тутъ разбирать? Характерно лишь то, что сынъ Льва Толстого написалъ вещь, которой рѣшительно отвергается, вообще, всякая литература. Надъ всей пьесой царитъ „беззаботность“, какъ надъ неаполитанскимъ заливомъ, гдѣ протекаюгъ 4 дѣйствія.

Редакторъ декадентскаго журнала „Дѣятель“, Игнатъевъ, бросается подъ поѣздъ, потому что былъ обольщенъ молодой женщиной и не считаетъ себя въ правѣ больше жить. Вотъ пьеса. И если угодно, посмотрите, сколько беззаботности, небрежности и любительской безшабашности заключено въ этомъ содержаніи, хотя оно пересказано всего лишь въ 4 строкахъ! „Декадентскій“ журналъ именуется „Дѣятель“. Авторъ даже не подумалъ, что „декадентскій“ журналъ не можетъ носить такой практически-позитивной клички, какъ „Дѣятель“, что редакторъ „декадентскаго“ журнала изберегъ болѣе красивое орудіе смерти, нежели поѣздъ желѣзной дороги, и наконецъ, что именно писатель „декадентскаго“ направленія не можетъ проповѣдывать апологию вѣчной, двуединой, непоколебимой брачности, какъ основнаго начала жизни. Вѣдь если декадансъ есть упадокъ, то онъ скажется и въ области брачной морали; если декадансъ есть исканіе новыхъ путей, онъ опять-таки уйдетъ отъ старыхъ боговъ. Если бы авторъ думалъ—не какъ мыслатель или художникъ, а просто, какъ человѣкъ, считающій для себя обязательнымъ сначала подумать, а потомъ сказать—онъ бы непременно устранилъ эту несущественную подробность „декадентскаго журнала“, тѣмъ болѣе, что это ни на волосъ не измѣняетъ пьесы. Но зачѣмъ же думать? Развѣ, когда пишешь пьесу, нужно думать? Теперь это совершается просто. Набрасывается программа и затѣмъ поспѣшно пишутся слова. Вотъ и все.

Конечно, Л. Л. Толстой ни о чемъ не думалъ, когда писалъ. Потому что на примѣръ всякому приходиться въ голову, что неловко послѣ „Анны Карениной“ бросить героя, уличеннаго въ адюльтеръ, подъ поѣздъ желѣзной дороги. И кому же? Сыну,

Александринскій театръ

«Въ отвѣтъ». П. Д. Боборыкинъ.

Ховринъ.—В. Н. Давыдовъ.

который долженъ былъ бы бережнѣе относиться къ формамъ и приемамъ творчества своего отца... А вотъ Л. Л. Толстому это и не кажется неловкимъ. И разсужденія о „Крейцеровой сонатѣ“, о „непротивленіи злу“, о „курении табаку“ и пр., которыми онъ будто бы что то опровергаетъ, ему тоже не кажутся неловкими. Ну, хорошо, допустимъ, онъ не согласенъ въ этомъ пунктѣ съ отцомъ и считаетъ нужнымъ опровергать его—какой Брутъ логики и писательскаго долга! Но поѣздъ-то при чемъ же? Вѣдь

тутъ уже ничего нѣтъ „принципальнаго“. Вѣдь это уже просто отсутствіе внутренней деликатности и щепетильности, которое объясняется беззаботностью насчетъ литературы, ея традицій, ея нравовъ, ея этики...

Въ буквальномъ смыслѣ слова, молодое поколѣніе упраздняетъ литературу. Отцы создали храмъ, и ходили вокругъ него на ципочкахъ. Десятки и сотни разъ произведеніе подвергалось передѣлкѣ. Сколько разъ переписывалъ Гоголь! Какія коректуры „Анны Карениной“ дѣлалъ Левъ Толстой! Какъ все было взвѣшено и обдуманно! Весь человѣкъ былъ во власти того, что онъ скажетъ,—большой ли талантъ, или маленькій. А молодое поколѣніе, имѣющее предъ глазами великихъ отцовъ, пишетъ „съ бацу“ первыя попавшіяся слова, называетъ декадентскій журналъ „Дѣятелемъ“, и мимоходомъ, разрѣшаетъ вопросы о „непротивленіи злу“, о „Крейцеровой сонатѣ“, Ницше, буряхъ и другихъ матеріяхъ важныхъ, но съ такимъ расчетомъ, что въ 11 часовъ все кончено, вплоть до казни героя локомотивомъ.

Вотъ тема для пьесы „Въ отвѣтъ“, и быть можетъ г. Боборыкинъ, со свойственной ему чуткостью къ общественнымъ явленіямъ, займется ею. А судьба Вавы и отца ея, и генерала Курыдина, право, не заслуживаетъ вниманія тѣхъ немногихъ истинныхъ литераторовъ, которые еще у насъ остались.

А. Н—ель.

Милочка.

(Окончаніе *).

Выховцевъ уѣхалъ изъ театра еще въ серединѣ спектакля подъ предлогомъ крупной игры въ клубѣ.

Осмотрѣвъ въ деталяхъ всю сервировку стола, приготовивъ крюшонъ изъ фруктовъ и ягодъ съ шампанскимъ и поставивъ кувшинъ въ холодильникъ, онъ на салфетку Милы положилъ пакетъ съ пятьюстами рублей и сталъ нетерпѣливо похаживать по комнатѣ; прошелъ и въ другую сосѣдную, представляющую что-то въ родѣ будуара, раскинулъ тамъ на туалетѣ нѣсколько вѣтокъ срѣзанныхъ розъ, улыбнулся, потеръ руки, зажегъ вездѣ лампы, свѣчи и снова вышелъ въ большую комнату.

Онъ былъ убѣжденъ, что все поведеніе Милы была только игра и что назначенные ею пятьсотъ рублей составляли ту окончательную сумму, которую она рѣшилась сорвать съ него. Онъ нисколько не жалѣлъ, что Свѣтлова раньше не открыла своей игры, вѣдь „связи“ съ нею онъ не искалъ... къ чему? развѣ онъ былъ влюбленъ? Ему надо было то, что теперь и случится, т. е. весь городъ узнаетъ, что онъ добился своего, и Свѣтлова ужинала съ нимъ въ Сѣверной гостиницѣ, чуть не вся прислуга предупреждена здѣсь объ этомъ... Онъ остановился передъ зеркаломъ, вынулъ щеточку, тщательно свелъ рѣдкія пряди волосъ съ темени на лобъ, обдернулъ на выступавшемъ животѣ бѣлый жилетъ и покрутилъ слегка подкрашенные усы.

Услышавъ стукъ въ дверь, онъ покраснѣлъ и бросился отворять... Мила вошла и на секунду зажмурилась отъ рѣзкаго свѣта люстры и двухъ канделябровъ, горѣвшихъ на роскошно сервированномъ столѣ... фрукты, конфеты, цвѣты въ букетахъ и срѣзанныя розы покрывали скатерть... Лакей, просунувшій при удобномъ случаѣ голову, исчезъ по первому гнѣвному знаку Выховцева.

— Наконецъ-то я такъ счастливъ, что вижу васъ одну у себя,—началъ слащаво Александръ Сергѣевичъ.— Неужели этой чести и радости я обязанъ только той ничтожной услугѣ, которая вамъ понадобилась отъ меня?

Онъ стоялъ противъ Милы, протягивая руки, что бы освободить ее отъ манто.

Дѣвушка отстранилась отъ него и скрещенными на груди руками сильнѣе прижала къ себѣ полы. Глаза ея изъ-подъ нѣжнаго кружева, падавшего съ капюшона на лобъ, вспыхивали и меркли, какъ двѣ звѣзды на сумрачномъ небѣ.

— Да, только!.. — отвѣтила она, глядя въ упоръ на Выховцева, тотъ обернулся, взявъ со стола конвертъ и передалъ ей.

— Вотъ пятьсотъ рублей...

— Но вы даете ихъ мнѣ съ расчетомъ?

Снова глаза ихъ встрѣтились, и Выховцевъ опустил свои, не выдержавъ горячаго, напряженнаго взора Милы. Стройная, тонкая, какъ-то мистически закутанная Свѣтлова казалась ему дразняще-очаровательно... Мысль, что въ первый, а можетъ быть и послѣдній разъ она добровольно пришла къ нему, ночью, одна... что эти деньги, заставившія ее унизиться до просьбы, крайне нужны ей, ему придали смѣлости поставить все на карту.

— Съ расчетомъ... — сказалъ онъ, снова вски-

нувъ на нее глаза и, обойдя за ея спиною, заперъ дверь на ключъ... Дѣвушка даже не пошевелинулась.

— Именно съ такимъ, какъ я понимаю?

— Вы дѣвушка умная... да, съ такимъ..

— А!.. — она разжала руки, плащъ скользнулъ съ нея и упалъ на полъ... Выховцевъ даже подался назадъ: ему показалось, что на Милѣ надѣтъ бѣлый саванъ... черная, тяжелая масса распущенныхъ волосъ и освободившееся отъ капюшона мертвенно-блѣдное лицо, съ громадными черными глазами, окруженными синевою, дѣлала ее похожей на привидѣніе. Уѣхавъ рано изъ театра, онъ даже не понималъ, что она въ гримѣ и костюмѣ своей сегодняшней роли... Что-то суевѣрное и неприятное, какъ мысль о смерти, заставило его сердце дрогнуть...

— Что за туалетъ... — началъ онъ, но Свѣтлова, не сводя съ него глазъ, какъ автоматъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Такъ прошу васъ поскорѣй...

— Что поскорѣй?

— Разсчитаться со мною за данные мнѣ пятьсотъ рублей.

— Мила Георгіевна!

Дѣвушка подошла такъ близко, что Выховцевъ слышалъ ея порывистое дыханіе.

— Александръ Сергѣевичъ, я васъ не люблю, мало того, преслѣдованіе ваше, настойчивое, холодное и тоже безъ всякой любви, заставило меня васъ ненавидѣть... Я поняла, что сперва я была вашъ капризъ, а потомъ стала вопросомъ самолюбія... Весь городъ видитъ, что первый богатъ преслѣдуетъ провинціальную актрису, а та не хочетъ ни его денегъ, ни его любви... Обидно! Да? Вы не стыдились, ухаживая за мной, пріѣзжать въ театръ съ вашей женой, а она не стѣснялась выказывать мнѣ свое презрѣніе, вы ничѣмъ не прикрывали даже цинизма вашихъ исканій, вы даже не играли въ любовь, вы просто покупали меня и только спрашивали: сколько я хочу? Такъ вы теперь сочли, что я оцѣнила себя въ пятьсотъ? не дешево ли это?

Выховцевъ растерялся: онъ ждалъ отъ Милы благодарности, рассчитывалъ на веселый ужинъ и видѣлъ передъ собою трагическое лицо и слышалъ только оскорбительныя слова:

— Если вы считаете это дешево, — въ умѣ его мелькнула мысль, что Мила хочетъ надбавки, — то мы еще поговоримъ съ вами... — началъ онъ, глупо улыбаясь...

— Потомъ поторгуетесь? Нѣтъ, ужъ это будетъ поздно... Чего же вы стоите? Ну, вотъ я и пришла, торгъ заключенъ, деньги выплачены... цѣлуйте же меня, ласкайте... я ваша! Ни ѣсть, ни пить я съ вами не стану...—она взглянула на часы,—я могу пробыть у васъ ровно полчаса, ни минуты больше... Меня ждуть люди веселые, простые, люди — понимаете? а не...—она не договорила оскорбительнаго слова. Я расскажу имъ, какъ за пятьсотъ рублей меня купилъ г. Выховцевъ, какъ ждалъ, заранѣе нанявъ номеръ, убравъ его цвѣтами и приготовивъ конвертъ съ деньгами...—она захохотала, и странно, судорожно прыгали ея яркія губы въ то время, какъ глаза метали мрачный огонь.

— Позвольте, Мила Георгіевна, все это такъ странно! и вашъ нарядъ, и ваши слова, и самое поведеніе! Хотя вы и думаете, что я только животное, но я-то считаю себя человѣкомъ, у котораго другія требованія...

Мила упала на ближайшій стулъ, руки ея вытянулись по столу, голова нагнулась, глаза сузились, во всѣхъ чертахъ лица ея было нескрываемое презрѣніе:

— А вы думали, что я пришла „любить“ васъ

*) См. № 41.

за пятьсотъ рублей? Думали купить не только тѣло, но и душу? Или нѣтъ! Какъ отъ актрисы, вы ждали полной комедіи страсти? Знаете, что...—она выпрямилась, встала, схватила упавшій плащъ и снова закуталась въ него.—Я шла сюда, не зная себя... Я думала, это будетъ легче... Деньги эти, можетъ быть, спасли бы жизнь одному человѣку... не для меня онъ... нѣтъ... я гроша изъ нихъ не взяла бы себѣ... но я не могу... понимаете, — не могу! Я могла бы отдать себя за ласку, за смѣхъ, за слезы, за короткую, вспыхнувшую жажду любви, но такъ, такому человѣку, какъ вы, человѣку, который неспособенъ безразсечно дать грошъ бѣдняку, который не понималъ, какъ болѣло мое сердце, когда я молила его объ этихъ деньгахъ, не сумѣлъ взять меня именно безразсечной добротой... нѣтъ! нѣтъ! ничего отъ такого человѣка мнѣ не надо! — и, схвативъ конвертъ съ деньгами, она швырнула его обратно на столъ, рванула дверь, забывъ, что та заперта на ключъ, и дверь, половина которой случайно не была закрыта на задвижку, подъ сильнымъ наперомъ распахнулась, въ корридорѣ шарахнулся слуга, очевидно, подслушивавшій у дверей, Мила ураганомъ пронеслась мимо него и исчезла.

— Коробка шоколадныхъ конфетъ, почти не начата, свѣжесть двухдневная, магазинная цѣна два рубля, оцѣнка 43 коп., кто больше?

Въ комнатѣ, казавшейся громадной, такъ какъ она была абсолютна лишена всякой мебели, портьеръ и занавѣсокъ, на полу, на подушкахъ и на коврахъ, сложенныхъ пластомъ, сидѣло многолюдное и шумное общество офицеровъ, актеровъ и настоящихъ покупателей изъ торговцевъ, которые, впрочемъ, стояли огдѣльной группой въ дверяхъ. Мила, во всей своей красотѣ пыганскаго затеряшки, въ коротенькомъ коричневомъ платьѣ, въ передничкѣ, съ распущенными толстыми косами, словомъ, — въ костюмѣ только что сыгранной ею утромъ роли въ „Школьной парѣ“, вела аукціонъ.

Сіяя лучистыми глазами, блестя бѣлыми зубками, потряхивая кудрями, набѣгавшими на лобъ, она была вся воплощеніе беззаботнаго смѣха и радости. Деньги, пятьсотъ рублей, ею были уже получены отъ продажи персидскихъ ковровъ, серебра, небольшихъ драгоценностей и другихъ подношеній, полученныхъ ею отъ публики. Одну минуту она хотѣла отослать Быховцеву его ковры, но затѣмъ отдумала: они были присланы имъ по поводу ея двухъ бенефисовъ, въ Новый годъ, словомъ, — на ряду съ подарками отъ другихъ, безъ малѣйшаго повода съ ея стороны, наконецъ, безъ нихъ едва ли ей удалось бы реализовать сумму, нужную для отсылки Жарова въ Крымъ.

Сегодня былъ послѣдній дневной спектакль, послѣ него назначенъ былъ у Милы негласный аукціонъ, но когда были уже проданы всѣ серьезныя вещи и сумма реализована, игра такъ понравилась всѣмъ, что продолжали продавать все, что только попадало на глаза.

— Шоколадныя конфеты 43 коп. Господа! коробка совсѣмъ полная! Кто больше?—кричала Мила, подпрыгивая на табуретѣ.

— Публика требуетъ удостовѣриться, передайте конфеты!

— Надо видѣть! Надо видѣть! — шумѣли голоса.

— Алексѣевъ, удовлетворите законное требованіе этихъ господъ!—Мила передала молоденькому офицеру конфеты... Двадцать рукъ протянулись къ нимъ, и коробка мигомъ опустѣла...

— Протоколъ! Протоколъ! — кричалъ кто-то. — Расхищено имущество несовершеннолѣтней школьной пары!

Всѣ хохотали, кричали, кто-то билъ палкой въ мѣдный тазъ...

Мила объявила аукціонъ оконченнымъ. Серьезныхъ покупателей заплатившихъ за ковры и подушки, попросили не вытаскивать ихъ немедленно изъ-подъ господъ публики, а прислать или пріѣхать за ними черезъ часъ, когда вся компанія уйдетъ за городъ на прощальный обѣдъ. Лишніе удалились, а оставшіеся сдвинулись ближе... Изъ кухни и уборной отовсюду появились табуреты, которые поставили въ рядъ, накрыли бумагой, обвили лавровыми вѣнками, поставивъ ихъ со стѣнъ. Даша внесла угощеніе, тутъ были всѣ запасы Милы, которые надо было уничтожить: сардинки и варенье, конфеты, вино, три забытыя бутылки шампанскаго, апельсинны, печенье, копченая ветчина и громадный совсѣмъ сухой кусокъ швейцарскаго сыру, груды хлѣба, ножи, вилки, стаканы и ни одной тарелки.

— Господа!—сказала Мила, поднимая своей смуглой рукой високо стаканъ шампанскаго,— одинъ тостъ— за русскую актрису, за громадную, бродячую женскую силу, что слоняется по всей матушкѣ Руси! Бездомная, безсемейная, безпріютная, то осыпанная цвѣтами и золотомъ, то заброшенная, голодная, оскорбленная и осмѣянная! Нѣтъ у русской актрисы ни дѣтства, ни старости! Откуда она пришла на подмостки и куда уйдетъ съ ними, никому не интересно! Есть у нея только молодость, яркій расцвѣтъ, къ которому каждый тянетъ руку, есть у нея короткая пора, когда къ ногамъ ея летятъ вѣнки, цвѣты и сердца!.. Такъ выпьемъ за этотъ расцвѣтъ, за этотъ короткий періодъ, за жаркія встрѣчи, за страстныя ласки, за шумные кутежи, за яркій проблискъ таланта, силы, правды, искренности, за порывъ къ идеалу, за тайныя слезы по простой, скромной долѣ женщины — женѣ, матерей... выпьемъ за русскую актрису!!!

Всѣ были на ногахъ, всѣ обнимались, чокались и кричали:

— За русскую актрису!!!

Н. Лухманова.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

САРАТОВЪ. Въ послѣднія двѣ недѣли (24 сент.—7 октябрь) дирекція г. Собольшикова представила нашему вниманію нѣсколько новостей. Прошли «Якобиты», «Варооломеевская ночь» (2 раза), «Родіонъ Раскольниковъ» (2 раза); «Орленокъ» (4 раза), «Хлѣба и зрѣлищъ», драма г. Собольшикова. Самый большой успѣхъ выпалъ на долю «Орленка». Дирекція богато обставила пьесу, а многочисленныя репетиціи дали въ результатѣ очень гладкое исполненіе. Заглавная роль принадлежит г-жѣ Арди-Свѣтловой. Текстъ роли (стихи!) изученъ въ совершенствѣ; въ передачѣ достигнута масса интересныхъ отгѣнковъ; мимика выразительна и разнообразна. Роль «Орленка» окончательно утвердила насъ во мнѣніи, что г-жа Свѣтлова — очень цѣнная артистка въ группѣ. Превосходно играетъ г. Горевъ эпизодическую роль Императора Франца; вполне хороши г. Строителевъ въ Фламбо и г. Неждановъ въ шефѣ полиціи. Не по характеру и даже не по голосу пришелся Меттернихъ г. Аркадьеву. Женскія роли (Маріи, Луизы, де-Лорже и др.), не удалось нашимъ исполнительницамъ выдвинуть какъ слѣдуетъ; лучше другихъ сыграна графиня Камарата г-жой Петява. Но такъ какъ вниманіе все время обращено на герцога Рейхштадскаго, то многіе минусы остаются незамѣченными. Въ общемъ, пьеса, какъ *красивое зрѣлище*, имѣла выдающійся успѣхъ; не надо только искать въ ней глубокихъ мыслей и высокихъ чувствъ. Не понравились «Варооломеевская ночь» и «Якобиты»; первая ужъ слишкомъ мелодраматична, а вторая далека отъ насъ по сюжету, да и написана не съ умѣлымъ соблюденіемъ сценическихъ требованій. «Родіонъ Раскольниковъ», благодаря популярности Дельеров-

скаго «Преступленія и наказанія», въ которомъ заслуженно пожинать лавры покойный Михайловичъ-Дольскій, вызвалъ къ себѣ сугубое вниманіе и сдѣлалъ полный сборъ. Можно бы похвалить за ансамбль, еслибѣ Соню играла не г-жа Сарматова. У этой артистки не оказалось ничего подходящаго, кромѣ развѣ внѣшности. Тонъ невѣрный, драматическій элементъ совершенно не удается. манеры не свободныя; чѣмъ-то любительскимъ вѣетъ огъ этой игры. Неважно играетъ г-жа Морянская мать Раскольникова и, пожалуй, едва сносно г-жа Работнова—Дуню. За многое другое нужно рѣшительно похвалить труппу. Если г. Горевъ не внесъ ничего оригинальнаго въ роль Мармеладова, то все-таки, конечно, онъ далъ толкованіе правильное и достаточно выпуклый образъ. Характерныя фигуры созданы г. Яновымъ изъ Свидригайлова и г. Бушманомъ изъ Пороха. Пальмы первенства должны быть отданы г. Аркадьеву за Раскольникова и г. Соболюшкину за Разуმიхина. Г. Аркадьевъ не совсѣмъ еще выравнялъ роль. Но онъ даетъ такіе яркіе отдѣльные моменты, играетъ подчасъ съ такимъ воодушевленіемъ, что, право, не хочется пересчитывать неудачи. Простъ и типиченъ г. Соболюшкинъ въ разбитномъ студентѣ былого времени, въ Разумихинѣ. Кое-гдѣ зритель опасается за утрировку, но артистъ благополучно минуетъ рискованное положеніе, и впечатлѣніе дѣлается еще болѣе цѣльнымъ. «Психологическія сцены» г. Евдокимова не менѣе длинны, чѣмъ передѣлка г. Дельера, но вѣдь изъ громаднаго романа Достоевскаго ничего краткаго и нельзя выкроить. Наконецъ—еще новость: пьеса антрепренера г. Соболюшкина «Хлѣба и зрѣлищъ», сюжетъ которой взятъ изъ романа покойнаго Михайлова-Шеллера. Нѣкоторыя сцены, имѣющіяся въ романѣ, удержаны почти цѣликомъ, другія сохранены въ выдержкахъ, но, кажется, больше всего написано г. Соболюшкинымъ. Пьеса состоитъ изъ 5-ти актовъ, длинныхъ, и поэтому немного растянута. Есть сцены и роли, очень благодарныя для исполнителей. Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ: г. Соболюшкина вызывали много разъ. Но, по нашему мнѣнію, она нуждается въ сокращеніяхъ; дѣйствіе нужно сдѣлать болѣе быстрымъ, болѣе живымъ.

Постолыный.

РОСТОВЪ НА Д. 20 сентября опера г. Салтыкова открыла у насъ зимній сезонъ. Для начала, какъ и въ прошломъ году, шла «Аида». Послѣ многолѣтней, образцовой для провинціи, драматической антрепризы Г. Синельникова, врядъ-ли можно особенно привѣтствовать попытки г. Салтыкова, подрядъ, въ теченіи двухъ сезоновъ, услаждать ростовцевъ оперой, да еще съ такимъ посредственнымъ составомъ исполнителей. Пока мы видѣли часть артистовъ, появившихъ у г. Салтыкова. Наиболѣе замѣтнымъ изъ нихъ можно считать г. Виноградова, довольно извѣстнаго провинціального баритона, когда-то обладавшаго прекраснымъ голосомъ, теперь наполовину утеряннымъ. Теперь пѣвецъ старается слащавостью и манерностью пополнить невознаградимую голосовую потерю. Теноръ *di forza* итальянецъ г. Винченцо Майна, съ сильнымъ, но надтреснутымъ псевдо-итальянской школы уже тронутымъ голосомъ. Г. Барсовъ со слабымъ, но довольно пріятнымъ, чистымъ и глубокимъ басомъ. Изъ остальныхъ артистовъ, можно указать на еще не выступавшихъ, но знакомыхъ ростовцамъ: симпатичнаго баса (*profundo*) г. Федорова, дребезжащаго баритона г. Брагинскаго, трехъ сносныхъ для вторыхъ ролей теноровъ (гг. Мосина, Серебрякова и Буравцова) и наконецъ самаго, живущаго воспоминаніемъ о прошломъ, когда-то прекраснаго баритонѣ, однако рискующаго пѣть и въ настоящемъ, антрепренера г. Салтыкова. Женскій персоналъ въ труппѣ г. Салтыкова слабѣе мужскаго. Г-жа Вандеръ-Вейде (лирическое сопрано) съ присутствіемъ верхнихъ нотъ и *riano*, но съ отсутствіемъ меццома. Голосъ вообще грубоватаго тембра; г-жа Львова (лир. сопрано) хотя начинающая какъ пѣвица, но уже почтеннаго возраста особа. Г-жи Зандеръ, Тиманова и Деканова—три сопрано съ головами, пригодными, по силѣ, для гостини, а не для большой сцены. Лишь драматическое меццо-сопрано г-жа Селюкъ-Разнатовская обладаетъ прекраснымъ сочнымъ голосомъ. Превосходная прима-балерина г-жа Ленчевская и еще лучшей и опытный дирижеръ г. Труффи. Изъ неигравшихъ въ Ростовѣ оперъ включены въ репертуаръ: «Мефистофель» Бойто, «Богема» Пуччини; «Лоэнгринъ» Вагнера и «Андре Шенье» Джордано.

Ивинъ.

МИНСКЪ. Дѣла «малороссовъ» съ переходомъ го вновь выстроенный залъ о-ва любителей изящныхъ искусствъ, благодаря, главнымъ образомъ, общедоступнымъ цѣнамъ, значительно поправились. Надняхъ, состоялся бенефисъ премьерши и любимицы минской публики Е. Ф. Зарницкой, поставившей пьесу Кроповницкаго «Доки солнце вѣде роса очи вистъ». Бенефициантка въ роли «Оксаны» имѣла шумный успѣхъ и получила цѣнные подарки. Значительно вредитъ исполненію пьесъ плохое устройство залы, которая скорѣе напоминаетъ вокзальную залу 3-го класса. Зала непосредственно соединяется съ буфетомъ, здѣсь-же и входъ за кулисы. Сцена крошечная примитивнаго устройства.

Спектакли драматической труппы, командированной къ намъ

г. Строевымъ, начались 29 сентября пьесой «Идіотъ», и идутъ при пустомъ почти театрѣ. Уже съ перваго спектакля начались гастроли артистовъ малаго театра гг. Васильева и Падарина, съ участіемъ которыхъ прошли слѣдующія пьесы: «Идіотъ», «Волки и овцы», «Цѣна жизни», «Ревизоръ». Изъ артистовъ труппы, выступавшихъ въ этихъ пьесахъ, недурно играли только г-жа Полякова и г. Дьяконовъ, остальные же исполнители и роли то знали плохо. Да можно ли требовать хорошаго исполненія при гастрольной системѣ, когда артистамъ неизвѣстно, что предстоитъ завтра играть. Уже къ четвертому спектаклю («Ревизоръ») пришлось на роль городничаго пригласить любителя М. Сахарова. Пятый спектакль пришлось отмѣнить вслѣдствіе того, что г. Васильевъ былъ внезапно вызванъ на Императорскую сцену. Надо думать, что такіе сюрпризы будутъ повторяться часто, если мы будемъ въ зависимости отъ репертуара Императорскихъ театровъ.

М. А. Райдичъ.

МОГИЛЕВЪ (губ.). Игривая оперетка уступила мѣсто драмѣ Антреприза по-прежнему г-жи Калмыковой Составъ труппы слѣдующій: г-жи Шиллингъ Борисова, Бартенева, Ларизина, Долинская, Мещерская, Славина, Жданова, Фолетти, Петрова и Орлова-Нефедова; гг. Аркановъ, Поляковъ, Стрепетовъ, Корсаковъ, Ратмировъ, Акансовъ, Фохтъ, Васильевъ и Семеновъ; режиссеръ Корсаковъ, помощ. режиссера Васильевъ, суфлеръ Ивановъ, декораторъ Ліозини, кассирша Юндзилль Сезонъ открылся 29 сентября пьесой «Бѣшенныя деньги», прошедшей не безъ асамбля, но сборъ не полный. 1-го октября была поставлена «Безправная», разыгранная весьма дружно, за исключеніемъ 2-го акта. Во 2 актѣ сцена именинаго обѣда въ квартирѣ Громовыхъ, весьма характерно обрисовывающая бытъ провинціальныхъ артистовъ, была скомкана. Обѣденный столъ былъ зачѣмъ-то поставленъ у задней стѣны, такъ что многія слова пропадали.

Г-жа Борисова—хорошая Катерина. Она провела свою роль тонко и создала симпатичный образъ. Особенно удалась артисткѣ 3 и 4 акты. Г. Аркановъ (Муринъ) оставилъ сильное впечатлѣніе.

Изъ остальныхъ артистовъ отмѣчаю: г-жу Ларизину (Дюсю), г-жу Долинскую (Орѣхову), гг. Корсакова (Громовъ), Стрепетова (Злобина) и Фохта (Сахарный).

Среди перечисленныхъ афишей новинокъ встрѣчаемъ: «Катюшу Маслову» гр. Толстого, «Идіотъ», «Братья Карамазовы» и «Преступленіе и наказаніе»—Достоевскаго. Это со стороны антрепризы большая небрежность: надлежало-бы въ афишѣ упомянуть, что пьесы эти—передѣлки. Къ чему вводить въ заблужденіе нѣкоторую часть публики? *Н. Михайловъ.*

ЖИТОМІРЪ. Пословица «не было ни гроша да вдругъ алтынъ» вполне примѣнима къ г. Трефилову. Насколько первый анонсъ былъ кратокъ, настолько второй (онъ же и афиша) пространенъ, украшенъ портретами артистовъ труппы и полонъ восхваленій и себя самого и труппы. Анонсъ-афиша поражаетъ, какъ своими размѣрами, такъ и въ носъ бьющею рекламою. Афишею и численностью труппы заинтересовались «въ день 1-го открытія сезона» («второе» объявлено и назначено самимъ г. Трефиловымъ на 3 октября), зрительный залъ съ верху до низу былъ переполненъ. Исполненіе поставленной 1-го октября пьесы кн. Сумбатова «Темныя силы» заставляетъ желать многоаго, хотя пьеса, по словамъ мѣстной газеты «Волынь», репетировалась въ теченіи 3 недѣль (?).

Изъ исполнителей можно лишь отмѣтить: г-жѣ Фанину (Варя) и Чуйкову (горничная Ксенія) и г. Шуйскаго (Аркадій), оказавшихся на мѣстѣ. Въ заключеніе г-жею Чуйковой и гг. Муромцевымъ и Сакеллари очень мило былъ исполненъ водевиль Шмидтгофа «Волшебный вальсъ». У г-жи Чуйковой оказался милый голосокъ. На «второе открытіе сезона», назначена пьеса Гославскаго «Расплата».

Не мѣшало бы г. Трефилову распорядиться извѣщать звонкомъ въ антрактахъ находящуюся въ буфетѣ и фойе театра публику о началѣ каждаго дѣйствія, что устранило бы шумъ, происходящій отъ усаживанья на мѣста.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Лѣтній сезонъ закончился постановкой драматической труппой подъ управленіемъ г. Ивановскаго «сенсационной, развѣшенной его сіятельствомъ господиномъ начальникомъ губерніи», какъ значилось въ афишахъ, пьесы «Петръ Великій». Благодаря рекламѣ и тому, напримѣръ, что 10-ти картинамъ пьесы было дано двадцать названій, отпечатанныхъ на афишахъ, пьеса сдѣлала два большихъ сбора 28 и 29-го сентября.

1 октября «Аидой» начался зимній сезонъ въ «Новомъ театрѣ». Составъ опернаго товарищества подъ управленіемъ Г. Я. Шейна слѣдующій: драмат. сопрано—Энквистъ и Михаловская, лирико-колорат.—Кунцева, колорат. Соболева и Черткова, меццо-сопрано—Кутузова-Зеленая, Платонова и Рудина; тенора драм.—Евгенію Сальто и Лавровскій, лирич. теноръ—Костаньянъ, баритоны: арт. Имп. театр. Орловъ, Сокольскій и Образцовъ, басы—Санчурскій, Левандовскій, Шейнъ. Балетъ подъ управленіемъ г. Епифанова, prima ballerina—Еприка-Варази, капельмейстеръ—Зеленый. Режиссеръ—Кравецкій.

Первый спектакль прошелъ съ ансамблемъ и сопровождался успѣхомъ. Театръ былъ почти полонъ.

Сезонъ концертовъ начался концертомъ въ пользу благотвор. учреждений Екатерин. жел. дороги. Участвовали А. И. и Е. И. Титовы (пѣніе) и г. Ямпольскій (виолончель).

Два слова о «Новомъ театрѣ»: приспособленный для спектаклей изъ залы гимнастическаго общества, этотъ театръ, вообще, не представляется образцовымъ, а недавно пристроили надъ ярусомъ ложъ еще ярусъ, такъ называемыхъ, мѣстъ надъ ложами. Эти мѣста вмѣстѣ съ балкономъ, къ которымъ онѣ примыкаютъ и рассчитанныя на нѣсколько сотъ человѣкъ, имѣютъ всего два выхода. Въ случаѣ несчастія для тѣхъ, кто будетъ имѣть несчастіе сидѣть въ мѣстахъ надъ ложами, будетъ только одинъ исходъ: прыгать съ полутора саженой высоты въ партеръ на головы сидящихъ тамъ. *Г. М. Тези.*

УРАЛЬСКЪ. 1 октября у насъ начался театральнй сезонъ. Играетъ труппа подъ управленіемъ и режиссерствомъ В. Н. Викторова, уже знакомаго уральской публикѣ по прошлогоднему сезону. Составъ труппы слѣдующій: г-жи М. А. Лаврецькая-Черкасова, М. Б. Азаревская, Е. В. Херувимова, Д. И. Образцова, Е. А. Глушкова, М. А. Черныяская, К. В. Лола; гг. П. П. Вейнбергъ, П. И. Чардынинъ, М. И. Татаринъ, Н. Ф. Аксагорскій, Н. П. Зеленовъ, Н. К. Чужбинскій, С. Ф. Шоляковъ. Главный режиссеръ В. Н. Викторовъ, режиссеръ— П. П. Вейнбергъ, суфлеръ Н. О. Соловьевъ, декораторъ Д. И. Паули.

Театръ въ этомъ году подновленъ и приведенъ въ приличный видъ, прибавлено нѣсколько мѣстъ на галлерей, и уничтожена одна ложа, несомнѣнно дававшая за весь сезонъ гораздо болѣе, нежели дадутъ вновь прибавленныя мѣста на галлерей. На мѣстѣ уничтоженной ложи устроены проходъ изъ партера въ корридоръ, къ которымъ проходомъ отдѣляется губернаторская ложа отъ ложъ остальныхъ смертныхъ. Съ противоположной стороны такого прохода не сдѣлано, чѣмъ нарушается общая симметрія.

Наканунѣ открытія сезона 30 сентября, въ театрѣ было совершено молебствіе, на которомъ присутствовалъ вице-губернаторъ г. Иславинъ, представители мѣстнаго общества и прессы. Послѣ молебствія въ зданіи театра состоялся завтракъ, на который были приглашены всѣ присутствующіе; за завтракомъ г. вице-губернаторомъ было произнесено по случаю открытія сезона привѣтствіе всей труппѣ. Тостъ былъ покрытъ громкими и дружными рукоплесканиями присутствующихъ.

Для открытія сезона была поставлена драма Ге «Казнь». Театръ былъ полонъ, не было ни одного свободнаго мѣста. Пьеса прошла съ успѣхомъ. Въ главныхъ роляхъ выдѣлились г-жа Азаревская и гг. Вейнбергъ и Чардынинъ.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ. Труппа г. Гайдебурова дѣлаетъ довольно плохіе сборы. Не смотря на то, что по общему мнѣнію, это одна изъ наиболее солидныхъ труппъ, подвизавшихся когда-либо въ Елисаветградѣ. Четыре первые спектакля дали слѣдующіе сборы: «Дядя Ваня» (постановка Гайдебурова)—306 р., «Одинокіе» (постановка Скарской)—160 р., «Идиотъ» (постановка Клеманскаго)—90 р., «Новое дѣло» (постановка Клеманскаго)—270 р. Трудно вполнѣ опредѣленно указать на причины такого равнодушнаго отношенія нашей публики къ театру, но, во всякомъ случаѣ, причины эти кроются не въ игрѣ артистовъ. Постановка пьесъ очень тщательная, разыгрываются пьесы съ ансамблемъ, серьезно и безъ утрировки, большинство артистовъ даютъ вполнѣ законченныя въ смыслѣ обработки образы.

Изъ поставленныхъ до сихъ поръ пьесъ съ наибольшимъ успѣхомъ прошла пьеса «Новое дѣло», слабѣе другихъ разыгранъ «Идиотъ». Въ теченіе сезона г. Гайдебуровъ предполагаетъ дать нѣсколько даровыхъ спектаклей для учащихся. Желательно было бы, чтобы при этомъ не были забыты учащіеся начальныхъ народныхъ школъ. *В. Верниковскій.*

ВОЛОГДА. 1-го октября начались спектакли труппы Н. М. Бориславскаго. Для открытія шелъ «Идиотъ», — кн. Мышкинъ — В. Н. Томскій, Рогожинъ — А. Н. Брянскій и Настасья Филипповна — С. М. Кромская. Театръ былъ полнехонекъ. Спектакль прошелъ гладко. Вторымъ спектаклемъ, для дебюта героини Е. Е. Астаховой, шла «Бесправная». Дебютантка, въ роли Екатерины Сергѣевны, Томскій — Муришь, г-жа Кромская — Дюся произвели пріятное впечатлѣніе. Выдѣлялись также гг. Стояновъ, Пузинскій и Улановъ. Г. Брянскій герой — любовникъ имѣетъ хорошій голосъ и темпераментъ, но производитъ непріятное впечатлѣніе своими движеніями и жестами. О дамскомъ персоналѣ труппы слѣдуетъ сказать, что онъ сильнѣе мужского. Нельзя не посылать на городское управленіе, что оно сразу, три года назадъ, когда театръ сдѣлался собственностью города, не обратилось въ Театральное Бюро за рекомендаціей антрепренеровъ, а сдавало театръ, руководствуясь какими-то другими соображеніями. Опыты были неудачны, и будемъ надѣяться, что они больше не повторятся. Составъ труппы г. Бориславскаго такой, женскій персональ г-жи: Астахова и Кромская — первыя драматическія роли, Богуславская и Михайлова — ігдѣшес, Пузинскій и Быстрова — комическія старухи, затѣмъ еще г-жи Иволгина,

Боярская, Раевская, Трубецкая, Юматова, Рязанцева, Дарьялова и Забелло и гг. Бориславскій, Брянскій, Томскій, Павловскій, Остапенко, Рошинъ, Рязанцевъ, Стояновъ, Улановъ, Черновъ, Семашко, Лызловъ, Невскій, Петровъ-Краевскій, Рудинъ и Стрѣльниковъ. Всего 30 человѣкъ; это очень почтенная труппа, съ которой можно ставить всякія пьесы. Вологодскій театръ деревянный и въ пожарномъ отношеніи крайне опасный. Средняго прохода нѣтъ, одни только боковые, очень узкіе, корридоры — тоже узкіе. При полномъ театрѣ, публика всегда наэлектризована боязнью пожара и малѣйшій шумъ въ фубетѣ, стукъ двери дѣлаютъ переполохъ. Малѣйшая небрежность можетъ создать катастрофу «потрясающую». Поэтому въ такомъ театрѣ ни приставныхъ стульевъ, ни публики, занимающей проходы и выходы, нельзя допускать ни подъ какимъ видомъ. Между тѣмъ 1-го октября, когда театръ былъ переполненъ, поставлены были приставные стулья въ первомъ и во второмъ ряду, и два, единственные выхода, сплошь заняты были стоящей публикой. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ одного слова «пожаръ» или просто отъ одного крика пьянаго человѣка произошла бы такая давка, что сотни людей подавили бы другъ-друга. Надѣемся, что больше этого г. Бориславскій не допуститъ. *З. С.*

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію.

(Продолженіе).

- 9) Замѣстительницы (Les Remplaçantes). Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ Бріе. Переводъ П. Гнѣдича (Одобрень къ постановкѣ на Императорскихъ сценахъ) (По печатному изданію. Изданіе журнала «Театръ и Искусство»).
- 10) Мечты и жизнь. Современная комедія въ одномъ дѣйствіи В. А. Мазуркевича. Для съезда.
- 11) Миражъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Жоржа Роденбаха. Переводъ М. В. Веселовской (Посвящается М. В. Дальскому).
- 12) Мѣсто женщинамъ. Фарсъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго А. М. Горина-Горянова.
- 13) На новомъ пути. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ А. Пинеро. Пер. съ англійскаго А. Веселовской.
- 14) Наемницы (Вторая матери). Комедія въ 3-хъ дѣйств. Сочиненіе М. Бріе. Переводъ съ французскаго Ф. А. Корша.
- 15) Передъ разсвѣтомъ. Пьеса въ пяти д. М. Баккаревичъ.
- 16) Подъ колесомъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Л. Жданова.
- 17) Свагови-якъ не перша чарка, то перша палка. Сельскіе сцены въ трехъ дѣяхъ съ музыкамы, танцами и спивама. С. Е. Зиневича.
- 18) Современный Донъ-Жуанъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи Н. И. Кожуховскаго.
- 19) Сперва отравились, потомъ помирились. Водевиль въ одномъ дѣйствіи Н. А. Борисовскаго. Три водевиля.
- 20) Старый домъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. А. М. Федорова.
- 21) Странный гость. Комедія въ 1-мъ д. Н. А. Борисовскаго
- 22) Тайное свиданіе. Шутка въ одномъ дѣйствіи Н. А. Борисовскаго.
- 23) Три момента изъ жизни Софьи Петровны. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Вл. Невскаго.
- 24) Увидѣлъ женщину — погибъ. Фарсъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ М. Карнѣва и О. Р.
- 25) Узы Гименея. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ съ французскаго А. С. Полонскаго.
- 26) Униженные и оскорбленные. Драма въ семи картинахъ съ эпилогомъ. Передѣлано по роману Достоевскаго. Е. Н. Ильинской.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 15-го по 22-е октября 1901 года.

Александринскій театръ. 15-10 октября. «Въ отвѣтъ». — 16-10 октября. «Золото». — 17-10 октября. «Моцартъ и Сальери», «Фофанъ». — 18-10 октября. Юбилейный спектакль по поводу 50-ти лѣтней литературной дѣятельности А. А. Потѣхина: «Мишура», ком. А. А. Потѣхина. — 19-10 октября. «Въ отвѣтъ». — 21-10 октября. Утромъ: Гимнъ «Боже, Царя храни», «Мишура». Вечеромъ: Гимнъ «Боже, Царя храни», «Старый домъ».

Михайловскій театръ. 15-10 октября. «Сообщники», «Тетьнка». — 16-10 октября. «Marthe». — 17-10 октября. «Буреломъ». — 18-10 октября. «Marthe». — 19-10 октября. «Исторія одного увлеченія». — 21-10 октября. Гимнъ «Боже, Царя храни».

Маринскій театръ. 15-10 октября. «Юланта», «Гензель и Гретель». — 16-10 октября. «Гангейзеръ». — 17-10 октября. «Самсонъ и Далила». — 18-10 октября. «Юланта», «Гензель и Гретель». — 19-10 октября. «Садко», оп. Н. А. Римскаго-Корсакова. — 21-10 октября. Утромъ: Гимнъ «Боже, Царя храни», «Пи-ковая дама», оп. П. И. Чайковскаго. Вечеромъ: Гимнъ «Боже, Царя храни», «Баядерка», бал.

